Военные Приключения

ТАЙНА КУТУЗОВСКОГО ПРОСПЕКТА

ЮЛИАН СЕМЕНОВ

Костенко

Юлиан Семенов

Тайна Кутузовского проспекта

«ВЕЧЕ»

1990

Семенов Ю. С.

Тайна Кутузовского проспекта / Ю. С. Семенов — «ВЕЧЕ», 1990 — (Костенко)

ISBN 978-5-4484-7874-1

Издательство «Вече» в рамках популярной серии «Военные приключения» представляет проект по произведениям известного русского писателя Юлиана Семенова. Кто он – палач, убивший декабрьским днем 1981 года народную любимицу, замечательную актрису Зою Федорову? Спустя годы после рокового выстрела полковник Костенко выходит на его след. Палач «вычислен», и, как это часто бывает, правосудие оказалось бессильно. Но не таков Костенко, чтобы оставить преступника безнаказанным…

ISBN 978-5-4484-7874-1

© Семенов Ю. С., 1990
© ВЕЧЕ, 1990

Содержание

Вместо предисловия 6
Глава 1 10
Глава 2 27
Глава 3 44
Глава 4 52
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Юлиан Семенов
Тайна Кутузовского проспекта

© Семенов Ю.С., наследники, 2007
© ООО «Издательство «Вече», 2007
© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019
Сайт издательства www.veche.ru

Вместо предисловия

Когда главы повести шли в набор, я встретился в Нью-Йорке с гражданкой США Викторией, дочерью замечательной русской актрисы Зои Федоровой, убитой в 1981 году.

Любители кинематографа помнят роли, сыгранные ими: «Подруги» Зои Федоровой и «Двое» Виктории вошли в анналы искусства навсегда – как документы эпохи.

– Мама была у меня в гостях несколько раз, – рассказала Виктория. – Однако, когда я пригласила ее в восьмидесятом, вскоре после того как здесь выпустили мою книгу «Дочь адмирала» – отец умер в звании адмирала флота США, – маме отказывали в выдаче паспорта. Я обратилась за помощью к тому сенатору, за которого голосовала, – Брэдли. После совещания в его штабе мне ответили: «Если бы мама просилась в эмиграцию, сюда, мы бы могли оказать какую-то помощь. В ином случае брежневская администрация нам откажет: "Давать или не давать выездной паспорт для поездки в гости – наше внутреннее дело…"»

Я позвонила маме и рассказала ей об этой беседе.

– Меня скоро убьют, – сказала она, и это было не в первый раз, когда мы перезванивались. – Ладно, в среду пойду на прием…

Она позвонила в среду вечером: «Я им сказала, что, если меня, русскую до последней капельки, патриота России, не выпустят в гости к дочери и внуку, я подам на эмиграцию…»

В пятницу ее убили… «Мосфильм» отказал в том, чтобы выделить зал для гражданской панихиды. А мне не дали визу, чтобы приехать на ее похороны: «Кто такая Зоя Федорова? У нас нет на нее никакой информации…» Тогда я положила мой советский паспорт в конверт и отправила его в посольство СССР.

* * *

…Сталин любовался открытым, с ямочками на щеках, улыбчивым лицом Зои Федоровой; вручая ей очередную Сталинскую премию, заметил:

– Это вас не я награждаю, а народ благодарит, товарищ Федорова.

Зоя не смогла сдержать слез счастья:

– Спасибо, дорогой Иосиф Виссарионович… Как говорят военные: «Служу Советскому Союзу!»

– Нет уж, пожалуйста, оставайтесь замечательной русской актрисой… Военными становятся, художниками рождаются… Как у вас дела? С жильем все нормально?

– Если б даже было плохо, я бы все равно не сказала, Иосиф Виссарионович… Без квартиры жить можно, без вас – нет…

– Я ж не бессмертен, – с болью, тихо заметил Сталин. – Придется и без меня пожить… Просьбы есть какие? Говорите честно, мне в радость помочь вам…

Федорова замерла, покрылась внезапно – от шеи – бледностью:

– Иосиф Виссарионович, у меня репрессирован отец… Он ваш солдат, его оклеветали… Он ни в чем не повинен…

На мгновение лицо Сталина закаменело; как-то заново, словно бы оценивающе обсмотрев Зою, чуть усмехнувшись, ответил:

– Вот мы вам и подарим машину – неудобно отца домой везти на трамвае… Зайдите к товарищу Берия, потом позвоните Поскребышеву, он вас соединит со мной… А Лаврентия Павловича я предупрежу…

* * *

Из материалов дела: «В период приблизительно между тринадцатью и семнадцатью часами одиннадцатого декабря 1981 года в доме номер 4/2, квартире 243 по Кутузовскому проспекту была убита Федорова Зоя Алексеевна, семидесяти двух лет, заслуженная артистка РСФСР, лауреат Государственных (Сталинских) премий.

Смерть Федоровой З.А. наступила в момент, когда она говорила с кем-то по телефону, от выстрела в затылок, произведенного из пистолета «зауэр» калибра 7,65 (пистолет системы «Зауэр» продается в США, Аргентине (гор. Игуасу) и Бразилии).

В квартире обнаружены отпечатки пальцев неизвестных. С журнального столика изъят отпечаток пальца на дактилоскопию.

Из протокола осмотра квартиры жертвы, проведенного следователем прокуратуры Сазоновым, прокурором-криминалистом Герасимовым, экспертами НТО Главного управления внутренних дел Мосгорисполкома Антроповым и Гритьевым в присутствии понятых Александровой и Кондрашкиной, явствует, что обстановка в комнатах не нарушена. Дверные замки шкафов целы. Следов взлома нет. Обнаружено 2400 рублей, кольца – с камнями и без камней, браслет, подвеска, кулон, цепочки и запонки желтого цвета. Следы насилия в комнатах не просматриваются.

Дверь взломана не была. По данным экспертизы, квартира чужим ключом, сделанным со слепка, не отпиралась, из чего можно сделать предположение, что убийцей был человек, хорошо знакомый Федоровой, который и находился в квартире жертвы».

…Из справки: «Федорова Зоя Алексеевна привлекалась по ст. 58, пп. 10 и 11 и по решению ОСО МГБ СССР была приговорена к двадцати пяти годам тюремного заключения. В 1956 году полностью реабилитирована».

* * *

… «Советское государство понесло тяжелую утрату. 19 января 1982 г. после тяжелой продолжительной болезни скончался советский государственный деятель, член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда, первый заместитель председателя КГБ СССР генерал армии Семен Кузьмич Цвигун.

Более четырех десятилетий жизнь и деятельность С.К. Цвигуна были неразрывно связаны с работой по обеспечению государственной безопасности нашей Родины. Этому ответственному делу он отдавал все свои силы, опыт и знания…

Светлая память о Семене Кузьмиче Цвигуне, верном сыне партии, государственном деятеле, навсегда сохранится в сердцах советских чекистов, всех советских людей…»

Франс Пресс: «В московских кругах упорно говорят о том, что родственник Брежнева и его креатура в КГБ Семен Цвигун не умер, а покончил жизнь самоубийством в правительственном загородном санатории».

Рейтер: «Осведомленные московские круги утверждают, что гибель Цвигуна связывается с именем артиста Бориса Буряцы, вхожего в дом Брежнева. При этом подчеркивается, что Цвигун был многолетним сотрудником и близким другом Брежнева: тем более странно, что подпись Брежнева под некрологом отсутствует…»

…«25 января 1982 г. на восьмидесятом году жизни после непродолжительной тяжелой болезни скончался член Политбюро, секретарь ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, дважды Герой Социалистического Труда Михаил Андреевич Суслов. Ушел из жизни видный деятель Коммунистической партии, Советского государства и международного коммунисти-

ческого движения. Вся его жизнь, все его силы и знания, весь его талант были отданы партии и народу…

На всех постах, которые ему доверяли Коммунистическая партия и народ, Михаил Андреевич Суслов проявил себя выдающимся организатором, несгибаемым борцом за великое дело Ленина, за успешное решение задач коммунистического строительства. Являясь крупным теоретиком партии, он многое сделал для творческого развития марксистско-ленинской теории, твердо отстаивал ее чистоту. Он внес большой вклад в дело расширения и укрепления интернациональных связей…

Михаила Андреевича Суслова отличали большевистская принципиальность, требовательность к себе и другим, исключительное трудолюбие, умение творчески подходить к острым и сложным вопросам современности. Человек большой души, кристальной нравственной чистоты, исключительной скромности, он снискал себе глубокое уважение в партии и народе»…

Из медицинского заключения о болезни и причине смерти Суслова Михаила Андреевича:

«М.А. Суслов, 79 лет, длительное время страдал общим атеросклерозом с преимущественным поражением сосудов сердца и мозга, развившимся на фоне сахарного диабета. В 1976 году перенес инфаркт миокарда. 21 января 1982 года возникло острое нарушение кровообращения в сосудах ствола мозга с глубокой потерей сознания, нарушением дыхания и некоторых других жизненно важных функций организма…»

* * *

> «Спецгруппу Угро МВД СССР, созданную по делу об убийстве Федоровой З.А., расформировать.
>
> Полковников Павлова В.Я., Савицкого У.Р., Костенко В.Р. вернуть в их подразделения.
>
> 27 января 1982 г.
>
> *Министр внутренних дел СССР*
> *Н. Щелоков».*

Савицкого перевели в Ригу заместителем СКБ по режиму с прибавкой зарплаты на девяносто рублей; запил; вскоре умер от цирроза печени.

Павлова отправили в Узбекистан с повышением.

…С января по май восемьдесят второго года Костенко – после того как группу расформировали – провалялся в клинике у Ларика: тот удар в печень, что получил в Армении, в семьдесят втором еще, когда брал бандгруппу на аффинажной фабрике по делу Кешалавы, время от времени давал себя знать; вернувшись в министерство, на глаза начальству не очень-то показывался, запомнив на всю жизнь слова, сказанные как-то Константином Симоновым: «Служить не отказываюсь, но служить не навязываюсь…»

…Что-то изменилось в стране: в КГБ сел никому не ведомый Федорчук из Киева – новая метла по-новому метет; один из первых приказов был весьма странный, носил явно идеологический оттенок: «Запретить сотрудникам появляться в джинсах, только пиджак и галстук – желательно отечественного покроя».

В октябре Костенко пригласили в кадры, предложили перевод с повышением, куда-то на Камчатку. Он обещал подумать, поняв, что все, кто был завязан на деле Федоровой, отчего-то неугодны в Москве; Андропов, хоть и лишенный реальной власти, ибо теперь сидел в ЦК, на идеологии, под Брежневым и Черненко, тем не менее интересовался делом Федоровой, хотя кому-то это явно не нравилось.

Второго ноября Костенко вызвал заместитель министра по кадрам: «Приказ я завизировал, поздравляю от всего сердца, вернетесь генералом, обещаю…»

Десятого ноября, в День милиции, министр Щелоков обратился к народу по телевидению; лицо – пергаментное, как маска, глаз от текста не отрывал. Брежнев лежал мертвый уже, началась схватка за лидерство; победи Андропов – министр внутренних дел знал это, – и дни его будут сочтены.

Так и случилось: перевели в царскую группу Министерства обороны – с «Чайкой», пятьюстами рублями, бесплатным питанием, пайком, адъютантом, порученцем, кремлевкой и госдачей… Негоже обижать номенклатуру, все должно быть тихо, тактично, с соблюдением привычного этикета: выводы, однако, сделали все – при встрече норовили обойти, не заметить, а уж если некуда было деться, разговор облекали в форму междометий, лица каменные, срок на обмен мнениями – минута-две, иначе может быть неверно понято наверху, каждый второй донесет; какое там второй – каждый…

Глава 1

На пенсию Костенко вышел в конце восьмидесятых – после того, как с помощью журналиста Ивана Варравина закончил разгром банды заместителя министра Чурина и его помощника Кузинцова…

…Поднимался он, как и раньше, в семь тридцать, полчаса занимался утомительной гимнастикой, а потом, проводив Маняшу, насыпал в кастрюлю брусничный лист, брикетик почечного чая, зверобой, шиповник, бросал щепотку валерианы (дефицит; впрочем, у нас все дефицит; раз в месяц приносил заместитель министра Цветмета Федя из аптеки Четвертого управления Минздрава – в простонародье, со сталинских времен – «кремлевка»), долго спускал воду, чуть не пять минут; чайник покрывался накипью за полгода, водохозяйство Белокаменной редко меняет фильтры, «экономика должна быть экономной», трубы проржавели, по бюллетеням платим почечникам в тысячу раз больше, но посчитать, что выгодней – ремонт канализации или выплаты по болезни, – недосуг, да и зачем? Одно дело – была б личная выгода, а так считай, не считай, деньги – ничьи, беречь государственные – пропади они пропадом, прожил день – и слава Богу.

После того как бурый чай начинал пузыриться – спасение от камней, почечных колик и печени, – Костенко забирал из ящика «Аргументы и факты», «Книжное обозрение», «Огонек» и принимался за проработку прессы. Толстые журналы не выписывал, и не потому, что денег не хватало: пенсия полковничья, двести пятьдесят, Маня свои **инженерские** полтораста приносит, да еще по совместительству нанялась чертежи на дом брать; правительство подобрело, раньше за такое в тюрьму гнали, а теперь даже Аришке помогают, ей, как молодому специалисту, **положили** сто десять, а за фирменные зимние сапожки две сотни отдай и не греши, на панель, что ли, идти?!

Толстые журналы он не выписывал оттого, что Булганина помнил, Николая Александровича, бывшего премьер-министра. Было это в шестьдесят третьем, в районе Новодевичьего монастыря и Пироговки; там в те годы орудовала банда Носа. Костенко его «вытаптывал», обходил жэки; разговорился с отставником, который управлял домом, куда с Воробьевых гор, из замков, что москвичи нарекли «Заветами Ильича», переселили опального члена Политбюро.

«Что значит наша школа, сталинская, – задумчиво говорил управдом. – Каждое утро Николай Александрович получает двенадцать газет, я точно помню, информацию чекистам давал, и работает с ними – с красным карандашом в руке… Многотиражки даже получает, не только центральные… Резолюции кладет, служебные записки пишет, все в шкап складывает – придет время, вернут его в Кремль, помяните мое слово… “Кукурузник” не вечен, Бог ему за Иосифа Виссарионовича отомстит… На кого руку поднял, мужик, а?! Так вот, Булганин поработает с газетами часов восемь – и на прогулку… С рабочим классом связь поддерживает, на “примкнувшего” порою бутылочку берет, на Шепилова, значится… Выпьет глоток – и беседует, расспрашивает о ситуации, советуется с народом, светлая голова, одно слово – сталинская гвардия…»

Костенко вспомнил этот разговор, как только отдал пистолет и получил пенсионную книжку: на следующий день после того, как не надо было ехать в министерство, отправился в библиотеку и сел за журналы; ходил, как на работу, – восемь часов, с обеденным перерывом; стресс поэтому, связанный с отставкой, перенес спокойно.

Вчитываясь в журнальные публикации, Костенко поначалу диву давался, как он отстал от жизни. Вспоминая обязательные политзанятия, нудные лекции пропагандистов, на которых он сидел, надев черные очки, чтобы не заметили, когда уснет (почти все, кстати, приходили в тем-

ных очках, не один умный), он поражался тому, какой гигантский вред приносили обществу эти **обязаловки**, во время которых все спокойно внимали обязательной лжи, внешне принимая ее как правду – так и рождалась государственная шизофрения, раздвоение, а то и просто расщепление (как лучины) общества: в кабинете – один человек, с женой на кухне, включив радио, – другой, на собрании – третий, у начальства – четвертый, во время разбора очередной «персоналочки» – пятый…

Порою он по два-три раза перечитывал особенно смелую статью: как можно такое печатать?! В меня въелся, а может, передался по наследству инстинкт охранительного страха, думал он. Сколько лет Россия жила в условиях свободы мысли и слова? После освобождения крестьян – лет десять, потом пришел Победоносцев, тогдашний Суслов; начало века – мелькнули либералы Витте и Столыпин; с февраля семнадцатого разгул свободы, потом – гражданская, террор – белый ли, красный, все одно террор; после – восстание своих, Кронштадт, и как следствие – нэп, кооперация, сытость, право говорить – вплоть до двадцать девятого… И – снова ночь легла над Россией, кровавая ночь бесправия и страха. Несчастная страна, то – пик, то – провал.

Статьи серьезных экономистов и историков были альтернативны – не привычные плач и критиканство, но предложения выхода из кризиса, – поражали его смелостью: неужели это не читают в Кремле?! А если читают, то отчего не следуют рекомендациям ученых? Костенко взял чистый лист бумаги – по привычке статьи и обзоры конспектировал – и записал колонку: четыре часа – прочтение и анализ шифровок от послов из узловых столиц мира; четыре часа – изучение сводок по стране, особенно из республик (хотя, считал он, столичные амбиции влияли на информацию, что шла из Прибалтики – республик с трагической историей, – кто-то явно нагнетает страсти, причем не только с той, но и с нашей стороны. Зачем? Кому на пользу?); три часа – официальные приемы, переговоры; три часа – текущие дела, совещания со штабом, выработка стратегии – на завтрашний день, тактики – на сегодняшний вечер, ситуация такова, что считать надо минутами, не часами… Итого кремлевский рабочий день – четырнадцать часов. Вот и получается, что нет времени на журналы, ведь теперь и по субботам работают… Тут-то и начинается трагический разрыв между тем, что не доходит до кремлевских кабинетов, но зато впитывается сотнями миллионов читателей. У нас ведь так алчно читают не оттого, что мы какие-то особые, просто нечем себя занять: в бизнес не пробьешься, кругом запреты; индустрии развлечений до сих пор нет и в помине, рестораны плохи, дороги, а решишь пойти – места не сыщешь, в одном Париже кафе и ресторанов больше, чем во всем Советском Союзе. У нас принято бифштекс брать с водкой, а у них можно с чашкой кофе весь день просидеть за столиком; такого б клиента наши официанты в сортире утопили… Туризм? Нет его. Дансинги для молодежи? Раз, два – и обчелся… Вот и читают…

Костенко поначалу традиционно пугался слов «собственность», «выкачивание денег», «бессрочная аренда»; в нем жило привычное **отталкивание**, вдолбленное с детства, которое на самом-то деле, признался он сам себе на пятом месяце библиотечной работы, есть некий генетический код привычного страха перед новым. Действительно, спросил он себя, когда я лучше работал и раскрывал дела, которые до меня лежали в архивах? Когда надо мной не стоял погоняльщик и не требовал ста справок каждый день. Ну а крестьянин? Что он, из другого теста сделан? Сейчас над ним бригадир, председатель, агропром, райком, райисполком, и все его учат, как хлеб убирать… Ну а дай ему волю? Продай землю? Сделай его свободным, как при Столыпине? Или нэпе? Тогда на кой черт ему погоняльщик? Дай магазин, чтоб принимал его продукт, и деньги за это плати… А куда ж администраторов девать? Если бы американский фермер отчет в исполком писал, а пуще того – в агропром, мы бы народ на хлебные карточки должны были посадить, мор бы начался… Всегда на Руси был управитель над мужиком, помещик, урядник, контролер: «семеро с ложкой, один с сошкой»… Сами отучили народ работать – жди **команды** сверху! Чего ж на несчастный народ валить? Сверху все видней… Сам держу

все в руках… Самодержавие… Абсолютизм власти… А он, абсолютизм этот, всегда одним кончается – бунтом, особенно когда Человек начинает осознавать свою уникальную неповторимость…

Костенко возрадовался, услыхав по телевидению, чте теперь колхозам и совхозам будут платить за хлеб валюту. А фермеру? Арендатору? И тут же: «…объединения и главки помогут купить колхозам и совхозам то, что им требуется». Одну минуточку! А отчего председатель или тракторист не могут сами поехать за границу и купить то, что им надо? Снова бюрократия оттирает мужика от плодов его труда? Опять недоверие к личности? Государственное опекунство? Как же растить поколение тех, кто может сам принимать решение? – «Значит, государство все должно отдать мужику и работяге?! А что тогда делать аппарату?» – «Пенсию пусть получают! Царскую пенсию! Только б все напрямую было, чтоб не путалась страна в бумажках и отчетах, – погибнем!»

…В ту памятную пятницу Костенко засиделся в библиотеке до позднего вечера, разбираясь с понятием «акция». Сделать работяг хозяевами заводов, завязать качество труда с заработком, ввести закон о помощи по безработице – повышение производительности труда всегда связано с уменьшением числа работающих за счет новой техники, – представил себе ярость консерваторов («мое поколение – все, как один, консерваторы») и журнал закрыл; снова уперся рогом в те термины, которые вбили в него за тридцать пять лет работы.

На улице дождило, грусть была в городе, в людях, что стояли возле автобусной остановки, в бутафорских витринах магазинов, да и в самом небе, низком и сером.

– Товарищ Костенко, – услышал он за спиной вальяжный, красивый голос, – извините меня, я б вас подвез домой, а по пути посоветовался бы.

Костенко обернулся: рядом с ним стоял невысокий мужчина в скромном сером костюме, серой шерстяной водолазке, только туфли из лайковой кожи, с медными пряжками, видно, очень дорогие.

– С кем имею честь?

– Меня зовут Эмиль Валерьевич, фамилия Хренков, я из кооператива «Заря», вчера про нас была передача на телевидении, в шестнадцать сорок…

– А какое я имею отношение к кооперации?

– Что, считаете нас акулами капитализма?

– Не считаю. Откуда, кстати, вы меня знаете? Почему здесь ждете?

– Бдительность и страх – категории пересекаемые, товарищ Костенко, – заметил Хренков. – Простите, если что не так. Просто Ястреб мне сказал, что вы в этой библиотеке работаете, ну я и подъехал…

Ястреб торговал в киоске «Союзпечати», снабжал «Московскими новостями»; Костенко сажал его дважды: домашние кражи, брал квартиры номенклатуры, называл себя «Робин Гудом, Народным мстителем». Воровать начал с голодухи – отца расстреляли по «ленинградскому делу», мать спилась; вернулся из лагеря с туберкулезом, пришел домой к Костенко, тот помог ему прописаться; воры добро не забывают: завязал, получил киоск, сейчас живет кум королю…

– Что у вас? – спросил Костенко. – Говорите здесь.

– Не согласились бы пойти к нам работать? Помочь в борьбе с рэкетирами, очень трудно жить, товарищ Костенко.

– Частный сыск хотите создать?

– Что-то в этом роде… Я не смею унижать вас разговором об оплате, но, как понимаете, денег мы не пожалеем.

– Оставьте телефон, – сказал Костенко.

– Это несерьезно… Ваше министерство против частного сыска, зачем мне светиться? И так живем, как мишени.

– Тогда до свидания…

– Честь имею, – кивнул Хренков и пошел к «Волге», что стояла поодаль.

Когда он сел за руль и резко (слишком резко) взял с места, чтобы набрать скорость, проезжая мимо остановки, Костенко вгляделся в окно машины – лицо человека в темных очках, что устроился на заднем сиденье, показалось ему знакомым, и не просто знакомым, а очень его в свое время интересовавшим. Машинально взглянул на номер «Волги», запомнил; назавтра заехал в ГАИ – машина принадлежала летчику международных линий Аэрофлота Полякову; в настоящее время находится в Латинской Америке, доверенности никому не оставлял. Ребята из Угро проверили: «Волга» Полякова стояла запыленная на втором этаже кооперативного гаража возле памятника Гагарину. Вечером Костенко зашел в министерство:

– Слушайте, мужики, как бы мне посмотреть дело об убийстве Зои Федоровой?

Он просидел с папками до одиннадцати, надо бы Машуне позвонить; впрочем, она привыкла, что он порою исчезал на неделю, – работа. Набрал номер: «Маняш, я зашел к себе, в министерство… Хм… “К себе?” К ним, так точнее… Скоро буду. Как ты?» – и, не дожидаясь ответа, положил трубку.

– Слушайте-ка, – спросил он дежурного по управлению, – я помню, была папка с фотографиями свидетелей, где она?

– Осталась на Петровке.

Раньше б сразу же туда рванул, подумал Костенко; годы, а может, ощущение отлученности от дела; любительство предполагает неторопливость и право на свободу во времени, только действующий профессионал – физически, до боли в затылке – ощущает фактор времени, некая вмонтированность в твое существо внутренних секундомеров…

На Петровку Костенко приехал утром, в девять. Сначала сделали «робот» того, кто подходил к нему, – Хренкова. Папку искали долго, дело нераскрытое, повисло. Как ни странно, Щелоков и Цвигун были в высшей мере корректны, не гнали, как обычно; порою Костенко казалось, что все они хотели спустить дело на тормозах, хотя не только Москва гудела, но и Запад тоже.

Папку нашли только к одиннадцати. Костенко медленно пролистал страницы, остановился на семьдесят третьей: «Иосиф Павлович Давыдов, театральный администратор, проживает в Москве, на улице Красных строителей, дом семь, квартира девять, не судим, образование среднее».

Справка на него пришла довольно быстро, к двум: «Давыдов Иосиф Павлович выехал из СССР по израильской визе в Вену 29 января 1982 года».

Вторая справка пришла из ОВИРа к пяти: Джозеф Дэйвид, гражданин США, вылетел сегодня утром рейсом Москва – Нью-Йорк самолетом «Пан Американ», экономическим классом, приезжал по туристскому ваучеру, неделю жил в Москве, отель «Национаь», три дня в Ялте, отель «Ореанда».

Вечером установили всех Хренковых. В кооперативе «Заря» Хренков ни в штате, ни на договоре не числился. По приметам ни один из семисот сорока трех человек с такой фамилией не мог быть случайным собеседником Костенко, ибо никто из установленных Хренковых не имел маленького, едва заметного шрама на левой брови. Костенко усмехнулся: «Я как могильщик Литфонда; Митя Степанов рассказывал, был у них старик, который приходил к больному писателю, болтал с ним о новостях, если тот был в сознании, сулил счастливую жизнь, а сам тем временем промерял мизинцем и большим пальцем рост несчастного – какой длины заказывать гроб… Нормальные люди ищут в лице собеседника что-то новое для себя, запоминают глаза, манеру улыбаться, а я, словно легавая, цепляюсь за то, что может впоследствии оказаться **следом**. Наверное, я пропустил множество интереснейших людей, потому что для меня родинка какая или прыщ важнее глаз, слез, трясущихся пальцев, смертельной бледности…»

– Дело тухлое, полковник, – заметил заместитель начальника столичного Угро, – что это тебя потянуло? Или соскучился по работе?

– Хочу маленько поковыряться…

– Пиши рапорт.

– А без рапорта нельзя?

– Ты что, целка? Забыл законы?

Костенко усмехнулся:

– Законы помню, бардак забыл.

Заявление тем не менее написал и отправился к Ястребу.

…Мишаня Ястреб сделал свой киоск совершенно особым: весь в портретах писателей – Шекспир, Шукшин, Хемингуэй, Толстой, Пушкин, Лермонтов, звезд кино и эстрады – Высоцкий, Пугачева, Вилли Токарев, Бабкина, Элвис Пресли, битлы, Тихонов и Броневой; где-то достал мегафон, которым пользуются экскурсоводы, гоняющие туристов по Москве (бедолаги-провинциалы в магазины норовят колбасы ухватить, а их силком в Пушкинский музей – голых римлян смотреть; сами раздеты, пальто б где к зиме взять), поэтому киоск Мишани сделался своего рода культурным островком в микрорайоне.

– Кто не купит академический журнал «Вопросы экономики», – вещал Ястреб своим хриплым голосом, – рискует остаться в неведении, отчего мы катимся в пропасть!

Старик в фетровой шляпе (отчего наши старики ходят в тапочках, спортивных брюках, но обязательно при галстуке, в черном пиджаке и коричневой шляпе?) усмехнулся:

– Терпеливые, дурни, лентяи и трусы – оттого и катимся.

В очередь, однако, встал.

– Неужели вы упустите возможность приобрести справочник железных дорог? – продолжал между тем Ястреб. – Да, он прошлогодний! Но что сейчас так ценится, как старая книга?! Через пять лет она станет уникальной, и ее у вас купят в любом букинистическом за десятку!

– А на хрена эти справочники? – снова пробурчал старик. – Езжай на вокзал, становись в очередь и прей. В России справочникам верить нельзя, мы – непредсказуемые…

Торговля шла бойко. Увидев, что очередь разрастается (один стоит, а к нему трое подлетают, мол, мы раньше свой черед занимали), Костенко понял, что минут двадцать он потеряет, а времени в обрез (Военная прокуратура дала справку, что генерал Трехов, тот, что реабилитировал Зою Федорову, живет в Переславле-Залесском, туда пилить и пилить), обошел киоск, постучал в дверь и сказал:

– Ястреб, это я.

Тот приоткрыл дверь.

– А, полковничек! С кандалами пришел? Погоди, я мигом всех раскидаю, заходи, гостем будешь…

И внутри киоск у него был как маленький теремок: занавесочки, столик с тремя резными табуреточками, коечка, покрытая ковром, электроплитка, турочки из Сухуми – чеканные, ручной работы, то ли медь, то ли латунь; под прилавком – ротапринтные издания, книги, которые на черном рынке стоят сотню, не менее.

– Уважаемые покупатели, приношу глубочайшее извинение, – возгласил Мишаня, – пришел фронтовой друг, я вынужден прервать работу на полчаса. Рекомендую посетить кооперативное кафе «Сладость» – во дворе, третий подъезд, угостят настоящим кофе, учитесь цивилизации, кафе – место для любви, разговоров и сделок!

Он захлопнул окошко и сел напротив Костенко.

– Ты мне должен доказать, полковник, что эти ротапринты я получил незаконно. У меня накладная есть. В БХСС подался?

– Да ладно, – Костенко махнул рукой, – если у нас государство не может торговлю наладить, так хоть ты их научи… Наши из Угро не тревожат?

– Русский человек за книгу душу отдаст, – ответил Ястреб, – так что с вашими орлами порядок, работаем в полном контакте… Я им пообещал вывесить плакат: «Разыскиваются особо опасные преступники», ручку жали, меня в простоте не возьмешь…

– Я в отставке. Ястреб… Ни в каком я не в ОБХСС… К тебе пришел по другому делу…

– А разве в отставке дела бывают? Если ты, к примеру, отставной маршал – в дурака с адъютантом режешься, генерал – клубнику разводишь, а полковник – совместительствует, на двести пятьдесят только святой ныне проживет…

– А если не совместительствую, а для души?

– Полицейский для души наручники надевает, ему это как циркачу гиену отдрессировать…

– Тоже верно, – согласился Костенко. – Скажи-ка мне, Ястреб, ты Хренкова давно видел?

– Кого?

– Эмиля Валерьевича Хренкова…

– Не знаю такого. Откуда он?

– Из «Зари».

– Это которые инструментами торгуют? Компьютерами?

– Точно.

– Я оттуда Людку харил, секретаршу ихнюю…

– Старик, а греховодишь.

– Ничего подобного. Тренирую простату. В нашем возрасте это необходимо… Кто-то рассказывал, как один наш знаменитый поэт к академику Фрумкину пошел, тот был главным урологом Красной армии, про него еще Михалков написал: «генерал из генералов, маршал мочепол-кана-лов»… Поэт его спрашивает: мол, сколько раз в неделю надо трахаться? А Фрумкин ответил: «Чтобы трахаться – надо трахаться постоянно»… Если запустишь – конец… Сломанную руку сколько месяцев человек после гипса разрабатывает? То-то и оно! А женилка, полковник, не рука! Без руки жить можно, а без женилки, да еще с простатой, как булыжник, – прямой путь в онкологию…

– Ну-ну, – вздохнул Костенко…

– Нужна девка? – спросил Ястреб. – Отставнику можно. Партийцы не схарчат, пенсию не отымут…

– Жены боюсь, – ответил Костенко.

– Так тебя ж после молодухи на нее потянет! Спасибо еще скажет, полковничек… Ислам надо учить… Многоженство – верх разума. Хочу в мусульмане податься, татары народ надежный, ей-богу… И звучит красиво: «Михаил Рувимович Ястреб-заде». За одного этого «заде» мне десять «рувимов» простят…

– Ты бы не мог эту самую Людку про Хренкова спросить, а?

– Полковник, если я в лагерях за дополнительную пайку не ссучился, то разве сейчас в сексоты пойду?

Костенко закурил:

– Дай слово, что в тебе умрет, что я сейчас открою.

– Даю слово.

– Помнишь артистку Зою Федорову?

– Это которую Щелоков уконтрапупил?

– Кто это тебе сказал?

– Так Нагибин в «Огоньке» напечатал, неужели не читал?

– Читал… Писатель в книге на все имеет право, на то он и отмечен искрой Божьей… Так вот Хренков этот меня интересует именно в связи с Зоей Федоровой…

– Не сходится, полковничек… Если ты в отставке, то при чем здесь несчастная Федорова?

– Надо уметь отдавать долги.

– Мне отдай… Мне эта власть задолжала, за всю мою растоптанную жизнь задолжала…

– Бабок у меня нет, Мишаня. Чем возьмешь?

– Хренков, Хренков, Хренков, – задумчиво повторил Ястреб. – Ну-ка, покажи ксиву…

Костенко протянул ему пенсионное удостоверение. Ястреб изучил его, вернул, заметив:

– В ваших падлючих типографиях и не такое можно напечатать.

– Кстати, о Щелокове… Хоть он мне генерала зарезал, а ведь обещал звезду дать, но я помню, как он на встрече с детективщиками запонки им показывал золотые: «Это подарок великого советского музыканта Ростроповича, моего друга, он мне их дал перед тем, как его изгнали с Родины… А я их ношу, потому что придет время – он героем сюда вернется…» Так что прямолинейно и однозначно ни о ком судить нельзя, Ястреб, даже о Щелокове.

– Это он в застое этакое брякнул?

– Так он после застоя сразу и слетел… В зените своей власти официально заявил… И еще сказал, что дирижерскую палочку Ростроповича у себя на столе держит, как напоминание о расейском бездумном расточительстве, когда сами собственные таланты давим. Мол, что имеем – не храним, потерявши – плачем…

– Полагаешь, на него напраслину возвели?

– Ястреб, я полагаю только в том случае, когда имею улики… Ладно, если вспомнишь что о Хренкове, зайди, чайку попьем.

– Адрес не поменял?

– А кто легавым новые квартиры дает? Я ж не передовик какой или министр… Ну, пока, Ястреб… Мне нравится, как ты дело развернул… Учишь государственных идиотов коммерции…

Костенко вышел из киоска, Ястреб тут же открыл окно, высунулся с мегафоном и моментально собрал очередь. Внезапно закричал: «Полковник, погоди!»

Сначала Костенко решил было не возвращаться – зачем **открываться**, но потом сказал себе: «Ты отставник, ты никто… Кому ты нужен? Раскроешься, закроешься, все кончено, жизнь – мимо, конец…»

И – вернулся.

– Слушай, – сказал Ястреб, – в лагере со мной один бес сидел, мы его раскололи, его в пятьдесят седьмом взяли, подполковником МГБ был, курва… Мы его сквозь строй гоняли – у-у-у-у… После двадцатого съезда его окунули, пытал, говорили, пятнадцать вмазали… Так мы ему кличку дали – «Хрен»; злой был, отмахивался по форме, за себя стоять умел…

– Хрен? От фамилии, что ль?

– От злобы. Знаешь, как говорят: злая горчица, злой хрен… Фамилия у него другая была…

– А шрамик на левой брови был?

– Он весь у нас в шрамах ходил…

Костенко достал из кармана фоторобот Хренкова, протянул Ястребу:

– Он, курва, чтоб я свободы не видал, он! Ну, сука, а?! Жив, выходит!

– Он не просто жив, Ястреб… Он, сдается, в деле. Ко мне **подошел**, сославшись на тебя, иначе я б с ним и говорить не стал… Забыл все, что я тебе показал?

– А ты мне ничего и не показывал, полковник…

…В Переславль-Залесский Костенко приехал в полночь, потому что у автобуса полетел скат. Менять его – да еще под дождем – дело долгое, матерное, пассажиры пытались остановить машины – куда там.

Странные у нас люди, думал Костенко, глядя, как мимо несчастных пассажиров, чуть не кидавшихся под колеса, проносились «Волги», «жигули», «рафики». Стоит поговорить с

человеком часок-другой – откроется тебе, душу распахнет, последним поделится, а вот помочь незнакомцам, проявить номинальную культурность – ни-ни. Почему в нас мирно уживается Бог с дьяволом? Оттого, видно, история наша столь трагична: собирали **Империю** кровью, жестокостью собирали, небрежением к людишкам, во всем превалировала **Державность**, а ведь происходит это понятие от «держать», то есть «не пускать», а всякое непускание по своей сути грубо и безжалостно, то есть бескультурно…

В какой еще стране так собачатся в очередях, на рынках, в трамваях, в какой, как не у нас, доносы на соседей пишут?

Он никогда не мог забыть немецких военнопленных; в сорок шестом работали на Извозной – строили «ремеслуху». Кирпичи друг другу передают, и каждый: «битте зер» – «данке шен», как только язык не отваливался за день?

…В Переславле, ясное дело, мест в гостинице не было, их ни в одной гостинице страны никогда не бывает, если только не запасся предварительной начальственной бронью или не сунул администратору в лапу; решил подремать в кресле. Дежурная раскричалась: «Тут что, ночлежка?! А ну вали отсюда, у меня люди отдыхают!» Он попросил разрешения позвонить в милицию, женщина разошлась того пуще: «Ты меня не пугай! Пуганая! Вали, говорю! А то сама милицию вызову, пятнадцать суток враз схлопочешь».

– Где хоть милиция, объясните.

– Иди да ищи, я тебе в гиды не нанималась.

– Сука, – сказал Костенко, – гадина…

– Товарищи! – женщина заверещала тонко, пронзительно. – Бандит! На помощь!

Двери пооткрывались, выскочили постояльцы – кто в длинных сатиновых трусах, кто в кальсонах, только один выглянул в пижаме и тут же дверь захлопнул.

Костенко машинально просчитал, что дверей отворилось восемь, а номеров – тринадцать. Дежурная рыдала в трубку: «Милиция? Коль, это ты?! А ну, давай сюда наряд! Бандюгу забери, у меня свидетели, гони быстро».

Колей оказался крепыш сержант, он с порога спросил дежурную:

– Где хулиган?

– Вон, гад! Грозился, матерно обзывал… Правда, мужчины? – спросила она постояльцев.

Те отвечали невразумительно, смотрели, однако, на происходящее с интересом.

– Поехали, – сказал сержант. – Там разберемся. – Дежурной бросил: – Составь заявление, и чтоб свидетели подписались.

– Вы сначала проверьте мои документы, – попросил Костенко.

– В отделении проверим.

– Проверим здесь, – сказал Костенко и протянул ему свою полковничью пенсионную книжку.

Коля долго изучал ее, потом сказал зрителям:

– Расходитеся, граждане, театр здесь, что ль?!

– Нет, а в чем дело? – сказал тот, что вышел в кальсонах. – Вы нам по-гласному все объясните… Нас ото сна оторвали… За спиной у народа теперь нельзя, не разрешим…

– Молчи, «народ»! – отрезал сержант. – Как на рынке виноградом спекулировать, так, понял, «индивидуал», я твой номерок давно заприметил, а если скандал, на народ киваешь.

Люди молча и быстро разошлись по номерам.

Костенко предложил сержанту сесть рядом:

– Пусть гражданочка дежурная возьмет ключи, и давай-ка посмотрим пять номеров – есть там постояльцы или пустуют?

– Коля, он меня матерно обзывал и грозил глаз вырвать! – испуганно заплакала администраторша.

Костенко спросил сержанта:

– По какой статье дамочка проходила?

Сержант понизил голос:

– Так вы с контрольной проверкой, что ль, товарищ полковник?

Услыхав последнее слово, дежурная заплакала еще пуще:

– Начальник, не губи, не губи, начальник, дам я тебе номер, но он же бронированный, без исполкома не могу я, запрет мне на эти номера, вдруг начальство нагрянет, их селить надо, не губи…

– Агентов надо выбирать понадежнее, – заметил Костенко сержанту, – она ж взятки за номера берет. По нонешним временам вы ее не отмоете, придется сажать, как ты ей будешь в глаза смотреть? Да и сам под монастырь попадешь… Смотри, парень…

– А я чего? – спросил сержант, потупив очи долу. – Я ничего такого с ней не имею… А без присмотру гостиницу оставлять нельзя: скопление, мало ли чего может случиться…

…Утро было солнечным, небо – высокое, синь непроглядная, какое-то странное ощущение невесомой массы; ассоциировалось с вселенской тишиной, миром, бессмертием и безмятежным вечным покоем… Хотя вечный покой скорее приложим к кладбищу, если идти от «передвижников»… Все двояко толкуемо, нет одной правды и никогда не будет; приближение к правде – слагаемость множества мнений…

До того домика, в котором жил отставной генерал Трехов, можно добраться на автобусе, что ходил раз в два часа, или топать семь километров вдоль по берегу Плещеева озера – оно искрило мелкой зыбью, сентябрьский камыш казался бархатным, стайки чирков пролетали стремительно, как реактивные истребители: брать пример с Божьей твари и подвешивать – под копию с нее – атомные бомбы… Эх, люди, люди, порожденье крокодилов… Жуки – прообраз танка, крот – сапер, воистину из ничего не будет ничего; проецируем Божью тварь на мощь разрушения, вгрызание в глубь самих себя, подкрадывание к дьяволу, который сокрыт в каждом…

На третьем километре на поднятую руку откликнулся наконец шофер бензовоза – молоденький парень, волосы что солома, глаза – синие, громадные.

– Куда вам, дядя?

– А здесь неподалеку, на берегу, возле Зубанихи старик живет…

– Генерал, что ль?

– Точно.

– Чокнутый…

– Да ну? Давно ли?

– А как Горбачев пришел. Раньше молчал, а вот стали товарища Сталина хулить, так и он, – туда ж…

– Любишь товарища Сталина?

– Его все честные люди любят.

– Ты сам-то с какого года?

– Старый уже, – усмехнулся паренек, – с шестьдесят пятого.

– Да, дед прямо-таки… Ты ж ни Хрущева не застал, ни Сталина… Откуда в тебе любовь к Иосифу Виссарионовичу?

– А папаня работал в охотхозяйстве, его Василий Иосифович держал, сын вождя… И консервов привезет егерям, и бутылку каждому… Чего ни попросишь – кровель там, стекло, – всем помогал и взятки, как сейчас, не брал: все от чистого сердца… За это его масоны с сионистами и погубили мученической смертью…

– А масоны – это кто?

– Ну как? Враги народа, нерусские.

– А сионисты?

– Так это ж евреи! Вы что, шуткуете, дядя?

– Почему? Просто интересуюсь, как ты себе это мыслишь. Радищева в школе проходил?

– А как же! До сей поры помню, очень замечательно писал про страдания народа…

– Он, кстати, масоном был. Радищев-то…

– Ты, дядя, давай, напраслину на русского писателя не неси, а то высажу, и точка…

– Да вот тебе истый крест, – серьезно ответил Костенко. – Для интереса сходи в библиотеку, посмотри издание Радищева, там про то сказано…

– Какая у нас библиотека?! Одни собрания сочинений – то Брежнев был, то Сусловы там всякие с соломенцевыми, двух слов сказать не могут, а туда ж – за Пушкиным в ряд…

– Сионисты, – рассмеялся Костенко. – Дорогу небось тоже они, сионисты, мешают проложить, по ухабинам елозим?!

– У них руки длинные… Если б от нас что зависело – сразу б провели…

– Ну так и провели б!

– А ты пойди в исполком, сунься! С Гушосдором поговори! От ворот поворот – и точка!

– Масоны там сидят? Нерусские?

– Да что ты с этими долбаными масонами ко мне привязался, дядя? Все об них говорят, что ж, людям не верить?!

– Об них не все говорят, об них наши цари говорили с охранкой… И Гитлер… Ладно, хрен с ними, с масонами этими… Мясо дают? Колбасу? Сыр?

Шофер покосился на Костенко, оглядел его наново, прищурливо, холодно:

– А вы вообще-то наш?

– Нет, украинец…

– Ну, это разницы нет, что хохол, что русак…

– Полагаешь?

– А что? Если б вы чуркой были – я б вас по физиономии отличил, прибалтийца какого – по выговору, я с ними в армии служил, аккуратные ребята, своих в обиду не дают, молодцы, это только мы как в расколе живем, только и ждем, чтоб друг дружку схарчить, будто шакалы какие…

…Генерал Трехов отмахнулся от костенковского удостоверения:

– Я любому человеку рад, мил-душа, живу бобылем, милости прошу в зало…

У Костенко стало тепло на сердце; «зало» было комнатой метров шестнадцати, вдоль стен стеллажи с газетами, журналами и книгами, уютный абажур, такой у бабульки был, только у нее белый, а у этого – красный; спаленка крохотная, метров шесть, зато кухня с русской печкой – настоящая, просторная, впрочем, Костенко отметил, что ему мешало здесь что-то, потом понял – холодильник; чужероден.

Генерал словно бы понял его:

– Погреб отме́нен, мил-душа, но я дважды сверзился, еле отлежался, пришлось изнасиловать российскую первозданность атрибутом антиэкологической цивилизации… Увы, молочко из погреба несравнимо с тем, что хранится в холодильнике, но годы вносят свои коррективы… Чайку с дорожки? Хлебушка с салом?

– Ни от чайку, ни от хлеба с салом не откажусь, товарищ генерал…

– Мое имя-отчество легко запоминаемо, мил-душа… Я Иван Иванович… А вы?

– Владислав Романович.

– Красивое созвучие. Очень раскатистое, какое-то театральное… Присаживайтесь, сейчас накормлю… С чем пожаловали?

– Я по поводу Зои Федоровой…

– Кто это?

– Актриса, которую убили восемь лет назад…

– Погодите, погодите, я ее реабилитировал вроде бы… Так?

– Именно… Я думал, вы ее сразу вспомните…

– Через меня прошли десятки тысяч людей, Владислав Романович… Я и Сергея Королева дело закрывал, и Туполева, и детей Микояна, и Тату Окуневскую реабилитировал, жену моего фронтового друга Бориса Горбатова, и Павла Васильева, гениального сибирского поэта… Пильняка, Бабеля, Тухачевского, Мандельштама, Мейерхольда, Вознесенского, Михоэлса – разве всех в памяти удержишь?! Видимо, ее дело было легким, в других-то приходилось разбираться, мил-душа… Таких показаний навыбивали, стольких свидетелей выставили… Липа? Ясное дело… Но – докажи! Молотов требовал развернутых справок по каждому делу, особенно в связи с военными, его же подпись там стояла… Каганович велел справки на всех секретарей райкомов Москвы ему лично пересылать… По Наркомпути – тоже… Никита Сергеевич постоянно интересовался Украиной, только Ворошилов в ус не дул… Знаете, кстати, как он пил? Две чарки водки, а после – для похмельной бодрости – фужер шампанского. И – все. Умел пить, знал, когда остановиться… Но он уже тогда, мил-душа, мало что воспринимал, парил, так сказать, считал, что если Хрущев в своей речи сказал, мол, Сталин винил Ворошилова – «английский шпион», то с него все списки автоматически снимутся, а он ведь тоже на сотни тысяч давал свою подпись…

– Иван Иванович, вы не помните, кто был следователем Зои Федоровой?

Генерал поставил на стол квашеную капусту, буханку хлеба, сало, порезанное щедрыми кусками, и варенье:

– Конечно, не помню, мил-душа… Если б записи вел, а то ведь все тогда было «совсекретно»… Никто не знал, когда придет приказ прекратить реабилитацию и вернуться к восхвалению великого кормчего, будь он проклят…

Костенко достал фоторобот Хрена, показал его генералу. Тот долго вглядывался, потом задумчиво произнес:

– Я его допрашивал… Он в Лефортове сидел…

– По какому делу?

– Кажется, по тем спискам, которые подписывал Абакумов…

– Зою Федорову арестовали по указанию Берии…

Генерал покачал головой:

– Сдается мне, там была какая-то игра… Что-то там было особенно коварное… Вы угощайтесь, мил-душа, угощайтесь, а я пока расслаблюсь и повспоминаю…

Костенко положил кусок сала на черняшку, чуть присолил, съел быстро, с нескрываемым аппетитом; есть дома, где угощение **всласть**, а бывают такие, где совестишься кусок со стола взять.

– Хорошо едите, – заметил генерал. – Я-то на твороге сижу, рак был, полжелудка вынули, ничего, третий год уже, дети всех врачей-убийц съехались, чьих отцов я реабилитировал, а их следователей – сажал…

– Иван Иванович, врачей реабилитировал Берия…

– Он их выпустил, мил-душа… А дело по-настоящему закрывал я… Лаврентий Павлович только крохотный кусочек айсберга приоткрыл в своей борьбе за интеллигенцию, он был игрок мудрый, учитель был не кто-нибудь, а Хозяин… Кстати, у вас портретов Зои Федоровой нет?

Костенко с готовностью разложил перед генералом фотографии Федоровой: и кадры из фильмов, и в шикарном платье со знаками лауреата Сталинских премий, и убитую – с телефонной трубкой в руке…

Генерал отодвинул все фото, оставив одно – со Сталинскими премиями.

– Вот что я помню точно, мил-душа… Прямо-таки страницу дела вижу: «…после вручения мне Сталинской премии я набралась смелости и обратилась к Иосифу Виссарионовичу: “Дорогой товарищ Сталин, у меня отец репрессирован…”» Зоя Федорова была у Сталина на Ближней даче… Потом ездила к Берии на улицу Качалова… Сталин умел давать **взятки**,

это не брежневские дилетанты, тот был злой гений дозировок, все просчитывал вперед… Эк ведь как сумел «обоймы» создать, организовать классиков… Детская литература: бабах ордена Ленина Чуковскому, Маршаку, Михалкову, Гайдару и Барто – гении, высшие авторитеты, только их и читать детям… Бабах премии артистам, любимым народом: Крючкову, Алейникову, Андрееву, Черкасову, Марецкой, Зое Федоровой – только они говорят с экрана правду, они, и никто больше… Так же и в балете было, и в театре, в науке, живописи… Пойди кто хоть слово скажи против Александра Герасимова, Серова, Налбандяна, Иогансона… Что там всякие Гудиашвили, Кончаловские, Мешковы, Сарьяны?! Третий сорт… Хоть и тем давал от пирога, но орденок поменьше, премию пожиже, все взвешивал, фармацевт… Так вот я вспомнил: вскоре после визита Федоровой к Сталину на дачу и к Берии в особняк ее и забрали… Ей ведь шпионаж шили, я вспомнил, шпионаж и террор, мил-душа, у нее какой-то американец был во время войны, верно?

– Верно. Военный атташе, капитан Джексон Роджер Тэйт…

– Его когда выслали из страны?

Костенко улыбнулся:

– Ухватили кончик шнурка?

– Не сглазьте, мил-душа… Так в каком его турнули?

– В сорок пятом.

– В сорок пятом, – задумчиво повторил генерал. – Смотрите, как интересно: первый американец, которого турнули, – в год Победы… А Сталин «железный занавес» начал заново строить в сорок шестом… Понимаете, к чему я веду?

– Понимаю… Вы **ищете** личные мотивы для высылки американца.

– Точно… Ее, видимо, пытались вербовать… Впрочем, о мертвых или ничего, или хорошо…

Костенко хмыкнул:

– А как быть со Сталиным? Он же мертв…

Генерал покачал головой:

– Жив… Многомиллионен… Его жаждут рабы, мечтающие о жесткой руке и «новом порядке»… Если о нем молчать – придут те, кто страшнее его… Придут такие тупоголовые изуверы, такие неграмотные солдафоны, что Россия после них перестанет существовать как цивилизованное государство… Стоп, стоп, стоп… Фамилия Бивербрук вам говорит что-нибудь?

– Доверенное лицо Черчилля? Прилетал к нам в июле сорок первого?

– Молодчина, мил-душа, молодчина, память – форпост ума… Так вот я вам расскажу историю с Бивербруком, а потом напомню про любопытный приказ Лаврентия… Лично я документ не видел, вероятно, братья Кобуловы, его заместители, часть архивов успели сжечь накануне ареста, их же взяли только на другой день, а Всеволода Меркулова, ставшего в сорок первом начальником разведки, и вовсе арестовали через неделю – после первых показаний членов группы Берии… Но об этом эпизоде вспоминали все… Так вот, мил-душа, когда к нам приехал Бивербрук, зная о его специфических наклонностях, Берия **подвел** к нему мальчика-переводчика: после того как лорда торжественно проводили, мальчик исчез, как в воду канул… Берия посрывал шевроны со своих помощников, кого-то отправил на фронт, кого-то приказал вывести на Особое совещание, а потом выяснилось, что Сталин этого мальчика просто-напросто подарил лорду. Тот обратился к нему с личной просьбой – после успешного окончания переговоров, – и вождь отдал приказ заранее загрузить прелестное дитя в аэроплан англичанина… Тогда-то Берия и издал приказ: следить за всеми союзниками, мотивируя это необходимостью гарантии личной безопасности наших «боевых друзей по антигитлеровской коалиции». Вот мне и сдается, не было ли желания у Лаврентия Павловича превратить Зою Федорову в охранницу ее американского друга? Конечно, она отказалась, и тогда на нее начали

крутить дело… Абракадабра была какая-то: «Он просил ездить в районы, где расположены военные заводы, и производить там фотографирование заборов, через которые можно сделать лазы…» Что-то вроде этого, мил-душа. За точность – не отвечаю… И еще – но это тоже надо проверять – где-то и как-то пересеклись пути Зои с Галиной Серебряковой, писательницей, эпопея о Марксе, с Лидией Руслановой… И, кажется, с Ром-Лебедевым, этим чудесным цыганским актером… Конечно, я сделал преступление: надо было б вести хоть одностраничные конспекты, но я тогда полагал, что оттепель быстро кончится: через полгода после двадцатого съезда Хрущев круто повернул, стал говорить, что, имей он Сталинскую премию, – с гордостью бы носил на груди. Все время печатались статьи о «неоднозначности» Сталина… Расстрелял всех ленинцев, сделал страну концлагерем – и на тебе, «неоднозначен»… Мы ж нация мифотворцев, живем иллюзиями и преданиями, подгоняем факты под то, что нам угодно, а не следуем за ними… Чайку подогреть?

– А не трудно? Давайте я сам…

– Все вещи в труде, – усмехнулся генерал. – Когда слишком бережешься, начинается распад… Все сам, только сам – в этом залог жизнестойкости…

Он вернулся через пять минут: на лысом большом черепе римского патриция бисерился пот, виски были запавшие, с синевой; уши восковые – морщинистые и очень большие.

Не жилец, подумал Костенко. Это пот у него выступил от усталости, плитка нормальная, не спиральная, только та дает жар… Надо уходить, а я не имею права уйти, потому что он ящичек доброй Пандоры, если такая была, его надо разговорить, он вспомнит, он обязательно даст мне зацепки, помимо той, которую уже дал; будь проклята безнравственная нравственность моей профессии, прав Ястреб, «легавый, взял след», не сойду, а утеряю – скулить стану, тьфу, противно.

А женщина, которой выстрелили в затылок, когда она говорила по телефону? Несчастная женщина, прошедшая одиночки, пытки, лагеря? Потерявшая во Владимирском изоляторе свои лучшие дни? И бабьи – безвозвратно, и, главное, те, что принадлежали искусству: несыгранные роли, расстрелянные мечты, постоянное воспоминание о съемочной площадке, о крике «мотор!», когда начинается таинство кинематографа и все замирает вокруг оператора: ты и камера, и никого больше…

Почему меня сняли с дела Федоровой? Всех асов сняли, оставили стариков и мальчиков, а тех, кто прошел огонь и воду, отвели: «Не пачкайтесь, тухлое дело, незачем вам в нем мараться, повиснет на всю жизнь нераскрытая феня…»

Сначала делом интересовался зампред КГБ Цвигун; погиб – загадочно; потом посадили цыгана Борю, **друга** дома; после умер Суслов – одно за другим, все в течение полутора месяцев; Федорчук, пришедший на смену Андропову, вообще отказался помогать: «Это дело Угро, к нам не имеет отношения».

Господи, какие же все советологи наивные! Неужели им было не ясно, что после смерти Суслова ситуация наверху стала накально-критической?! Что может человек, **брошенный** на пропаганду? Андропова лишили власти, то есть реального знания происходящего, переместив с Лубянки на Старую площадь; ЧК оказалась целиком в руках группы Брежнева: Федорчук, Цинев, их окружение… А Старый Господин был на последнем издыхании. А Москва, столица, как издревле повелось, решала все: Гришин и Черненко шли в одной упряжке… Новое руководство ЧК в их руках, Щелоков – само собою…

Стоп, остановил себя Костенко, а ведь группу по Федоровой окончательно раскассировали недели через две после того, как умер Андропов, а Черненко стал Генеральным… Точно! Вон оно куда тянет, а мы, дурни, дальше собственного носа ничего не видели… Вот уж воистину, лучше свобода – с карточками на сахар, чем коррумпированная тирания, смысл которой – оболванить народ, лишить его права на мысль, слово, несогласие, альтернативу… Небла-

годарные мы люди… Черт, но кто ж из наших говорил мне тогда, когда я особенно активничал: «Голову сломишь, Славик, не высовывайся, все сложнее, чем тебе кажется…»

И Костенко вспомнил этого человека – Дима Степанов, он, точно.

– Я чай завариваю особый, мил-душа, – продолжал между тем Иван Иванович. – Зверобой, брусничный лист, шиповник…

– …валерьяновка, пустырник, – добавил Костенко, – и почечный брикет…

– Слежку за мной поставили? – усмехнулся генерал.

– Я отставник, не в моей власти, просто одним недугом маемся, – ответил Костенко. – Я этим чаем держусь последние семь лет…

– Вы что-то очень важное вспоминали, мил-душа?

– Точно. Плохой я сыщик, если вы смогли прочесть это на моем лице…

– Какой вы сыщик – не знаю, а вот я прокурор – отменный, честно признаюсь… Я ведь до этого в ЦК работал, у Кузнецова, убиенного Сталиным, Маленковым и Берией…

– Вас чаша миновала?

– Представьте – да. Но я всегда старался как можно меньше попадаться на глаза начальству. Тихо делал свое дело – и точка… Потом, я не курировал органы, а только готовил проекты речей, следил, сколько раз упомянуто имя Сталина, какие оценки даются его теоретическим работам и практической деятельности… После ареста Кузнецова пару раз со мной провели беседу, вызвал Георгий Максимилианович, передвинули в ВЦСПС, на этом все кончилось… Кстати, о Федоровой… Вы не поднимали дела, кто ей дал квартиру на Кутузовском проспекте? Это – симптоматично, там чаще жили те люди, к которым был интерес у первых лиц, режимный проспект, режимные дома…

– Спасибо, Иван Иванович… Это – интересное направление поиска… Сколько я помню, такого рода версию мы не отрабатывали…

– Поглядите, кто ордер выписывал, встретьтесь, коли жив человек; большое обычно начинается с малого… Когда я выбивал комнату дочери Рыкова, потом Крестинской, Серебряковой, всюду стоял и номер решения той инстанции, которая выделяла жилплощадь… Что-то меня крепко зацепил Кутузовский проспект, мил-душа, – задумчиво повторил генерал. – У вас никаких намеков на ее связь с первыми лицами, членами их семей не проскакивало в деле?

– Так круто мы не смотрели, Иван Иванович… Но ее вроде бы посещали люди, связанные с семьей Леонида Ильича…

– Кто именно?

– Певцы, актеры… Галина Леонидовна – человек общительный и, в общем-то, демократичный… Она не чуралась людей и была совершенно независима в знакомствах и встречах…

Генерал усмехнулся:

– А бедные дети сталинского Политбюро представляли родителям список школьных друзей, которых намеревались пригласить на день рождения… Из двадцати фамилий вычеркивали пять-шесть кандидатур – как минимум…

– Охрана?

– Нет, отцы. Охрана только подбирала справки, вычеркивали отцы, – генерал снова усмехнулся. – Недавно я подивился краткости нашей памяти: читал воспоминания Никиты Сергеевича в «Огоньке», там фотография дана: впереди высокий, широкоплечий Сталин, а чуть позади маленькие Микоян, Хрущев и Маленков… Но ведь это **слепленное** фото, монтаж… Сталин был коротышка… А тут – чуть не на голову выше соратников… Сноску б дали, что ли… ЧК помогала вам в расследовании?

– Поначалу – да. А потом как отрезало… Вы ж помните, тогда произошла трагедия, наша пьянь забила до смерти одного из работников секретариата Андропова в метро, ночью уже, ну и пошла вражда… Да и потом Щелоков… Мне сдается, он ощущал на себе постоянный глаз

Андропова, но был прикрыт Чурбановым – да и то в какой-то мере, ибо понимал, что первый заместитель вот-вот станет министром…

– Щелоков бы стал либо зампредом Совмина, либо секретарем ЦК, партитура была заранее расписана… Меня только до сих пор ставит в тупик то, что сердце Брежнева само «остановилось»… Он же на американском стимуляторе жил… И умер за два дня перед пленумом, когда, говорят, новый председатель КГБ Федорчук, не являясь членом ЦК, должен был войти в Политбюро, – невероятная кооптация… Федорову, кстати, убили из пистолета иностранной марки?

– Да. Вы слыхали об этом?

– Нет. Просто подумал, что убийца – если это было заказным убийством – ни в коем случае не использовал бы советское оружие…

«Заказное убийство?» – Костенко полез за сигаретами, но, вовремя спохватившись, сунул пачку в карман.

– Да вы курите, курите, – сказал генерал. – Когда Леониду Ильичу врачи запретили курить, он просил помощников себя не ломать: «Хоть любимым запахом потешусь…» Кстати, – генерал поднялся, – один из следователей Зои Федоровой по профессии был инженером, специалистом по радио… Да, сдается, что так, мил-душа… Они ж все начинали плакать, когда я выкладывал на стол папки с их «делами»… А тот держался крепко, достойно, сказал бы я, держался… Когда я взял с него подписку о невыезде – ясно было, что сажать надо, сажать и судить: гнал в каземат заведомо честных людей, – он тогда рассмеялся, глядя мне в глаза: «А с ЦК подписку о невыезде не хотите взять? Меня ЦК мобилизовал в органы, был бы радиоинженером, горя б не знал, а меня с любимого дела сорвали, сказали, что партии угодна борьба с врагами, а каждый, кто попал на Лубянку, – враг, невиновных советская власть не карает… Как бы вы на моем месте поступили?» И я был обязан ему ответить: «Не знаю…» Я и до сих пор не знаю, как бы повел себя, окажись в его положении…

– Но ведь вы ничего не показали на секретаря ЦК Кузнецова, Иван Иванович? А покажи вы на него – большую б карьеру сделали…

– То был не допрос, мил-душа, то было собеседование, а это, как Бабель говорил, две баальшие разницы… Мы, мил-душа, все грешны… Если не делом, так помыслом, не помыслом, так незнанием того, как бы повели себя, усевшись на табурет, что ввинчен в пол напротив следовательского стола… Вы мне оставьте фотографию этого господинчика… Копия есть? Или единственный экземпляр?

– Есть еще. Но учтите – это робот, правда, прекрасно выполненный.

– А может, останетесь у меня постоем? Я вам кое-что расскажу из прошедших эпох – может пригодиться: в частности, о том, что мне рассказала Федорова, когда я вручил ей документ о реабилитации…

Встретив Костенко (на кухне пахло картошкой с луком), Маняша ахнула:

– Миленький, миленький, что с тобой?

– Ничего…

– У тебя глаза больные! Совершенно больные глаза… Ну-ка, давай мерить температуру…

Он погладил ее по щеке (Господи, когда ж я в последний раз называл ее «персиком»? как же быстро мы отвыкаем от ласковой поры влюбленности, неблагодарность человеческой натуры? моральная расхлябанность? ритм нынешней жизни?), покачал головой:

– Температура нормальная, Маняш… Просто во многая знания – многие печали.

– Ты его нашел?

– Да…

– Интересно?

– Если «страшно» может быть «интересным» – да.

– Самые интересные сказки – страшные.

Костенко устроился возле маленького бело-красного кухонного столика, улыбнулся.

– А ведь воистину счастливый брак – это затянувшийся диалог… Мне с тобой чертовски хорошо, Маняш…

– Заведи молодую любовницу, тогда еще больше оценишь… Хочешь рюмку? С устатку, а?

– Стакан хочу.

– Плохо тебе?

– Очень.

– Да что ж он тебе такого наговорил? Черт старый!

– Не надо так… Он – чудо… Он выдержал испытание знанием ужаса… И остался жив… Нет, я неверно сказал… Не как медуза там какая, а как гражданин идейной убежденности…

– Ты не боишься таких людей? – спросила Маша, налив ему водки и поставив на длинную деревянную подставочку сковородку с картошкой; лук слегка обжарен, присыпано петрушечкой; четверть века вместе, каждый **понимает** каждого («знает» в этом случае звучит кощунственно, протокольно; впрочем, и «понимает» – не то; «ощущает» – так вернее).

– Каких? – спросил он, медленно выпив стакан водки. – Сформулируй вопрос точнее, Маняш…

– После всех этих ужасов, о которых пишут, после моря крови… У меня перед глазами все время стоит письмо Мейерхольда, как его, старика, били **молодые** люди, которые не могли не помнить театра имени Мейерхольда… Как можно остаться идейным? Я понимаю, это не мимикрия, но все же, по-моему, это борьба за себя, Славик, борьба за свою обгаженную жизнь, за крушение идеи…

Костенко ковырнул картошку, есть, однако, не стал, хотя мечтал об ужине, пока трясся в автобусе…

– Робеспьер был идейным человеком, Маняш…

– А сколько голов нарубил?

– Давай тогда предадим анафеме и Пугачева, и Кромвеля, и Разина… Действие рождает противодействие… Око за око, зуб за зуб… Из ничего не будет ничего… После республики Робеспьера появилось консульство «железных» диктаторов, а после – император Наполеон… А потом вернулись Бурбоны, родившие – своей дурью – террор новой революции, которая наряду с лучшими людьми поднимает и муть, люмпен, жестокость, месть… Но ведь – через кровь и восстания – все кончилось демократической республикой… Значит, несмотря на реакцию, кто-то хранил веру в государственную уважительную доброту? Если бы до февраля семнадцатого Россия властвующая – крохотулечка, процент от всего населения – поделилась своими благами с массой народа, думаешь, люди б пошли громить околотки? Если б в сентябре Керенский дал народу хоть что-либо кроме свободы слова и митинга думаешь, Октябрь победил бы?

– Ты стал отставным крамольником, – сказала Маша и автоматически, по привычке, включила маленький приемник.

– Выключи, – сказал Костенко. – Как не стыдно…

– Мне не стыдно, Славик… Мне страшно. И чем дальше – тем больше… Сейчас всем страшно, милый…

– Оттого, что много говорим, а мало делаем?

– Так думаете вы, мужчины, умные – особенно… А ты постой в очереди… Ради интереса – постой… Злоба людей душит, понимаешь?! Черная, одержимая… И – толкают друг друга, осатанело толкают, Славик, с яростной сладостью толкают, а локти – хуже кулаков, такие костистые, такие безжалостные… Детей толкают, Славик!.. Поешь картошки, пожалуйста… Я уж и так второй раз на плиту ставлю, перехрустит… Да, забыла, тебе какой-то Птицын звонил… Раза четыре…

– Кто такой?

– Я же не знаю твоих знакомых, Славик; Птицын и Птицын… Сказал, что он тебе очень нужен…

– Наверное, из Совета ветеранов… Телефон оставил?

– Нет.

Костенко начал уплетать картошку, усмехнулся:

– Найдет, если он мне нужен. Если б я ему понадобился – тогда другое дело… Заметила, как мы разобщены и не умеем друг другом пользоваться? Нет, не шкаф достать или там заказ к празднику – а в общем государевом деле… Погоди, Маня, – он вдруг поднялся. – А ты фамилию не спутала? Может, Ястреб звонил?

Она расхохоталась:

– Точно, Ястреб, я ж говорю, птичья фамилия!

…В киоске Ястреба горел свет; Костенко постучал в дверь, никто не откликнулся; странно. Он обошел киоск, выискивая щелку, чтобы заглянуть внутрь: по всем законам свет ночью в киоске должен быть выключен. Впрочем, у него здесь все **схвачено**, подумал Костенко. Этому закон не писан. Щелочку он нашел между портретами Пугачевой и Высоцкого; первое, что увидел, была бутылка коньяку, почти до конца выпитая, три бутерброда; левая нога Ястреба была неестественно задрана, словно бы вывернута, и **мертво** лежала на коечке, покрытой аккуратным ковриком…

Глава 2

На счастье, дежурную группу МУРа возглавлял майор Глинский, один из учеников Костенко; принесся через десять минут.

Мишаня Ястреб убит был сильным ударом «колющего тонкого предмета» в шею в то время, когда он наклонился за книгой – ротапринтное издание «Царствование Алексея Михайловича». Отпечатков пальцев обнаружить не удалось, работал профессионал; следов ограбления не было; эксперт взял анализ на запах; собака потеряла след в двухстах метрах от киоска, видимо, убийца сел в машину.

Взглянув на эксперта, Костенко поинтересовался хмуро:

– Когда его убили – примерно? Рискните ответить на глазок…

Эксперт Галина Михайловна еще раз прикоснулась тыльной стороной ладони к шее Ястреба:

– Вы меня ставите в неудобное положение, Владислав Романович, я должна поработать в морге… Приблизительно часа полтора тому назад… Но это не официальный ответ, чисто априорный, не взыщите…

Костенко попросил Глинского проверить карманы Ястреба, все бумажки с записями, а сам пошел к автомату.

– Манюнь, я, видно, сегодня поздно вернусь, ты ложись, солнце… Постарайся вспомнить, когда мне Ястреб звонил.

– Что-нибудь случилось?

– Да…

– Серьезно?

– Да.

– Ты не один?

– С табором…

– Слава Богу… Он три раза звонил, Славуль… Днем, потом часов в семь и незадолго до твоего приезда.

– Разница была какая?

– Не понимаю…

Костенко рассердился:

– Ну, днем спокоен был, потом заволновался, вечером торопился…

– Я не помню, Славуль… Я как-то этим звонкам значения не придала… Последний раз он, кажется, чуть пьяненький был, какой-то агрессивно-торжествующий…

– «Я ему очень нужен», так он сказал?

– Вроде бы… Или «он знает, как я ему нужен»… Ты правда не один?

– Куда я один-то гожусь ныне, Машуня?! Спи, малыш… Не жди меня, чтоб я не дергался…

…Глинский выложил на стол паспорт Ястреба, удостоверение Общества книголюбов, ручку марки «Паркер» с золотым пером и записку: «Отдать Лене за поставку “Слепящей тьмы” в четверг, в семь».

– Сегодня четверг? – спросил Костенко.

– Четверг.

– Денег в киоске нет?

– Пять рублей в кармане убитого.

– А чего ж не вытащили?

– Наука хочет посмотреть **пальцы**…

– Слушай, Глинский, мы с тобой можем сейчас установить Люду? Ту, которая работает секретарем в кооперативе «Заря»? Кооператив заметный: продает инструменты, компьютеры, ксероксы…

– Нам бы хоть один подарил… Фамилии этой Люды нет, товарищ полковник?

– Я Костенко, а не полковник, Глинский… Не надо так меня… Фамилии нет. Проси установку на председателя правления кооператива, через него пойдем на эту самую Людку, она мне нужна…

Бригада осталась работать в киоске, а Глинский с Костенко поехали на Петровку.

…Дмитрия Игоревича Аршанского, председателя кооператива «Заря», нашли у Черных, в кооперативном ресторане на берегу Москвы-реки; **гулял**, плясал самозабвенно – махал маленькими ручками, изображая рок, вертел двух роскошных жопастых девок, которые смотрели на него, маленького лысого коротышку, с обожанием.

Костенко пригласил его на улицу:

– Мне Людка нужна, Дмитрий Игоревич. Срочно. Не откажите в любезности дать ее телефон или адрес.

– Что, малышок наградила столицу еще одним СПИДом? – Аршанский мгновенно протрезвел. – Документы извольте, пожалуйста.

– Я оперативный дежурный по МУРу, – представился Глинский. – Вот мое удостоверение.

– МУР не по нашей части, – усмехнулся Аршанский. – Кооперацию добивают затаившиеся сталинисты и общинные плакальщики… Что с ней случилось? Девка хорошая, слаба, правда, на передок, но ведь это МУР не тревожит… Телефон у нее легкий для запоминания: четыреста девяносто девять, девяносто девять, сорок, она, мне кажется, с начальником абонентской сети установила дружеские отношения…

– Адрес не помните?

– Один раз был. Ночью… В состоянии подпития, не взыщите… Еще вопросы есть?

– Завтра не нашли бы время поговорить со мной? – спросил Костенко. – Не допрос, не вербовка – мне нужен ваш совет, всего лишь.

– Совет вам – это и есть вербовка, – заметил Аршанский. – Звоните после семи, может быть, я выкрою для вас полчаса. Но не обещаю, очень много встреч… Предмет **совета**?

– Убийство.

– Рэкет?

– Нет.

– Хм… А каковы побудительные причины?

– Не знаю. Поэтому прошу о встрече…

Оттуда же, из ресторана, позвонили Людке. Заспанная бабулька ответила раздраженно, с надрывной обидой:

– Побоялись бы Бога, в такое время тревожить…

– Люда сама просила, это Аршанский, председатель, – ответил Костенко, – из кооператива…

– Аршанский, Засранский, какое мне дело?! Увезли Людку, взяла сумочку, намазалась и укатила. Сказала, что на час, а уж два ночи, стерьва поганая!

– Это будет второй труп у тебя сегодня, Глинский, – прикрыв трубку, шепнул Костенко. – Звони в прокуратуру, доставай понятых, гоним к старухе.

– Прокуратура потребует оснований, Владислав Романович… Не дадут они постановления…

Костенко дал Глинскому трояк.

– Купи шоколадку, ладно?

…Бабулька дверь не открывала.

– Ракитники, – причитала она, – смотрите, вымогатели паскудные, я уж «ноль-два» набрала, тикайте добром…

– Ракитники – это как? – Костенко недоуменно оборотился к Глинскому.

– Рэкетиры, – ответил тот. – Россия чужие слова трудно приемлет.

– А – бюрократ?

– На это есть свое: «волокитчик», «супостат», «коваристый», «сутяга»…

– Соседей будить неудобно, про «ноль-два» она лапшу на уши вешает, – заметил Костенко. – Дура баба, сейчас ее внучку где-то топят или жгут, а она – вишь ты, а?

Глинский приник к двери:

– Бабулька, я из милиции, майор Глинский, позвони по «ноль-два», тебе подтвердят… Мы чего к тебе просимся-то, бабуль? Мы боимся – не было б с Людкой беды…

Старуха позвонила в милицию, было слышно, как она переспрашивала из дальней комнаты: «Глинский?! Как, Габинский? Тьфу, православных у вас нет, что ль?! Все с подковыркой, ни черта не разберешь…Так открывать ему?! Я трубочку не ложу, я при вас открою, если замолчу, значит, извели меня, на вашей совести буду…»

Старуха цепочку сняла, потребовала документ, Глинский протянул ей удостоверение, она долго шептала звание опер-дежурного и фамилию, потом наконец впустила в квартиру.

Маленькая двухкомнатная хрущевка была обставлена антикварной мебелью (правда, красное дерево соседствовало с карельской березой и орехом), на кухне стояла западногерманская ультразвуковая плитка – положи в духовку мясо на минуту – вот тебе и готовый ромштекс, там же, на кухне, стоял диковинный приемник; неплохо секретарша живет.

– Бабушка, я за Люду волнуюсь, – сказал Костенко.

– Бабушка преставилась, царство ей небесное… Я – прабабушка ейная… Так и я за ее волнуюсь, за стерьву…

– Она когда уехала?

– Да часов в восемь… Сбежала вниз, потом вернулась, вроде бы краски эти самые взять, чтоб морду загорелой делать…

– Вы в окошко не видели, ее такси ждало?

– Она на их не ездит! Ее сюда то черные иностранцы привозят, то коричневые, меня запрет в чулане, – старуха кивнула на внутренний шкаф, – и чтобы носу не казала… А если чихнешь или там храпанешь с духоты, то назавтра так отлупит, что и жить не хочется…

– Так какая ж машина ее ждала? – рассеянно поинтересовался Костенко. – Наша или та, на какой коричневые ездят?

– Не, не наша, – бабка покачала головой, – цвет уж больно бесстыжий.

– Это как? – не понял Костенко и достал из кармана шоколадку. – Вот вам подарок, бабулечка.

– А это чего?

– Шоколад, – сказал Глинский; его всегда раздражала манера Костенко вести разговоры со свидетелями, хотя он понимал, что именно такой неторопливый, но **скачущий** разговор (внешне скачущий) – Костенко через каждую фразу умеет тащить свое, аккуратно и ненавязчиво, понимая, что страх перед должностным лицом, даже если оно не в форме, но с красной **ксивой**, – непременная константа советского человека – должен создать атмосферу располагающей постепенности, никакого форсажа, тем более наступательного.

– Вроде конфекты, что ль? – спросила бабуля, разворачивая шоколадку; она отломила малюсенький кусочек, положила его под язык. Так тетя Феня пила чай вприкуску, вспомнил Костенко, только вместо шоколада были **подушечки**; сейчас днем с огнем не найдешь, все скупают на самогон…

– Да, – ответил Костенко, – вроде сливочных конфет, очень полезно для сердца… Бабуль, а где Людина записная книжка?

– На столе, – ответила старушка. – Возле телефона.

– Не позволите взглянуть?

– Вы ж при чине… Глядите… Я власти покорная… Только башмаки снимите, она за ковер боится…

Ни на столе возле телефона, ни в столе записной книжки не было.

– А косметичку она где держала? – поинтересовался Костенко. – В ванной?

– Там у нее всякие мыла, что пену дают и сосной воняют… Я-то в баню хожу, она меня не пущает, говорит, что…

Глинский настойчиво поинтересовался:

– Что она говорит?

Костенко укоризненно глянул на него, спросил:

– Как шоколадка, бабулечка?

– Страсть как скусная… Я уж ее приберегу…

– Пенсию вам сколько платят?

– Пятьдесят шесть… Спасибо родной партии и правительству… Раньше-то я сорок получала, ну а сейчас как сыр в масле катаюсь, и сметанки можно взять, и сливочек, яички теперь не битые беру… В капитализьме мрут старики с голоду, а мы старость чтим…

– Так вот о красках Людиных, – аккуратно повторил Костенко, – она их на столе держала?

– Нет, на трюме… Чтоб всю себя разглядывать… Особливо когда елочные украшения клеила…

– Какие еще елочные украшения? – не очень-то сдерживая раздражение, спросил Глинский…

– А это когда на лице разного цвета блесточки сияют… На лбу синяя, на щеке желтая, теперь так полагается, вроде закон вышел в защиту женщин, чтоб красоте были прилежны…

– Бабуль, а Мишаня к ней когда звонил? Ястреб?

– Так он завчера звонил! Точно, звонил! Я еще уморилась: я, грит, Ястреб… А я возьми да ответь: «Ты – ястреб, а я – кукушка»…

– Он вечером звонил, да?

– И то верно… Приехал к ней, дверь заперли, меня в чулан замкнули, ну и… Дело молодое, все такими были… Только раньше по-тайному, а теперь бегом да бегом, а в торопливости какая тайна? Одно бесстыдство…

– Ушел-то он поздно?

– Рано ушел… Поутру… Люда ему еще отнесла рюмку для поправки. Печенье и рюмашку, это я точно помню… Она печенья мне не дает, говорит, для здоровья старикам плохо…

– А где ее большая записная книжка? – тихо спросил Костенко.

– Так ведь здесь же, на столе должна быть…

Большой книжки тоже не было…

…Дома у Мишани Ястреба (жену увезли на «скорой помощи», подозрение на обширный инфаркт) остался сын Мишка – до синевы бледный, трясущийся, сказал, что большую телефонную книжку папка взял с собой; все утро звонил куда-то, занято было, а потом плюнул, положил ее в «дипломат» и пошел в киоск.

– Кто ж папку-то моего? – Мишка сжал кулачки (не в пример отцу был худенький и жилистый). – За что?

– Ищем, Миш, – ответил Костенко. – Ты помнишь меня?

– Как не помнить?! Папка вашу фотографию всегда держал, заступник, говорил…

– Где эта фотография?

– В столе.

– Достань.

– А ее при обыске забрали… Пообещали, что завтра вечером вернут, только копии сделают.

– Тебе сколько? Тринадцать?

– Четырнадцать.

– Деньги есть?

– Мама оставила.

– Сам готовить умеешь?

– Мы с папкой сами мясо жарим… Жарили…

Костенко вырвал листок из блокнота, написал свой телефон:

– Звони, Мишка… А если кто будет расспрашивать про обыск – это не потому, что против отца у нас зло… Полагается так… Начнут расспрашивать, а ты трубочку положи, крикни, мол, суп выкипает и звони от соседей вот по этому номеру: «Срочно для товарища Глинского»… Понял?

– Это чтоб посечь того, кто звонит?

– Точно.

– А папку когда домой привезут? – глаза у мальчишки были полны слез, по-прежнему бил озноб, но – сдерживался, не плакал.

– Папка твой крещеный был, Мишка, его надо в церкву везти, а не домой… Я помогу… Договорюсь с батюшкой, там и отпоют его, и все будет по христианскому обряду… Дома тебе не надо его держать, чти отцовскую веру, сынок…

В НТО на Петровке работа еще не кончилась, но Галина Михайловна (Боже ты мой, что бессонница делает с женщиной, «Галочка», «Галочка», а она старуха совсем), запомнив три главных вопроса, которые интересовали Костенко, сказала ему:

– Шило, которым убили Ястреба, сделано из особо прочных металлов с добавлением компонентов, употребляемых в радиопромышленности.

– Металлы фондируемые?

– Не просто фондируемые, а строго фондируемые… Часть идет на Байконур, каждый грамм на счету.

– Что дает добавление такого металла?

– Максимальная крепость орудия убийства… Проходит сквозь кость, о ребрах и говорить нечего… Теперь второе… Судя по стертостям внутреннего кармана пиджака, там находилась записная книжка – красного цвета, очень старая, неотечественного производства… Изымали записную книжку в резиновых перчатках – советских, у нас же не резина, а визитная карточка вселенского бардака…

Костенко вздохнул:

– Галочка, бардак в первую очередь отличает как раз порядок.

– У вашего поколения страсть к прямолинейным сталинским формулировкам, Владислав Романович.

– Увы. Хотя сейчас многие по нему вздыхают: алчут порядка.

– Пусть тогда добровольцы едут восстанавливать концлагеря.

– Зачем? Если что случится – будут косить из пулеметов… Учтут уроки прошлого: Иосиф Виссарионович оставил много свидетелей… Что-нибудь еще есть?

– Да. Вы просили поработать с «Волгой» летчика Аэрофлота Полякова… Так вот, ее номер сворачивали инструментом с примесью такого же радиокосмического материала, который обнаружен на следах, оставленных шилом… На машине Полякова никто не ездил, это мы установили точно…

Костенко попросил Глинского узнать фамилии всех членов гаражного кооператива, адреса и телефоны, выяснить место жительства полковника Савицкого, который работал в расформированной группе по делу Федоровой.

– За один день?

– Надо бы… Пожалуйста…

– Попробую… Но – не обещаю.

Костенко устало потянулся; слышимо захрустели суставы:

– Я – обрушусь… Телефон отключу на четыре часа… Если что-нибудь особенно срочное – приезжай…

…Глинский приехал через час: в морге опознали труп Людмилы Васильевны Груздевой, секретаря-машинистки кооператива «Заря»: сбита на небольшой скорости, обнаружен след от удара ребром ладони по шейному позвонку, который вызывает мгновенную потерю сознания…

– Сумочки, конечно, нет? – спросил Костенко.

– Само собой, – вздохнул Глинский.

– Размножьте ее фотографию – живой и убитой, – и отправляйте людей по всем ресторанам: кто ее видел? И – на бензоколонки… Да, да, – Костенко отчего-то рассердился, – могли подзаправиться, сбили-то ее не в Москве, правда?

– Оборотень вы, Владислав Романович… Возле Архангельского ее сбили…

– Там рядом есть ресторан?

– Да. Я туда сам махну.

– Бессмысленно. Работает банда профессионалов, они ее поили в другом месте… Впрочем, для страховки покажите, чем черт не шутит…

…Вахтер в министерстве довольно тщательно изучал пенсионную книжку Костенко, потом звонил куда-то (отделен толстым стеклом, ничего не слышно), после этого книжку вернул:

– Вы отставник… Не можем пропустить… Надо, чтоб пропуск спустили…

Костенко пошел в кабиночку, где были внутренние телефоны, нашел номер отдела редких сплавов: ответила секретарь, голосочек тоненький, детский.

– Мне бы, солнышко, с вашим начальством поговорить…

– Во-первых, я вам не солнышко, а во-вторых, начальство занято.

Отбой.

«Мы – “самые-самые”! Нация великой культуры! Да ни в каком Таиланде так себя не позволят вести в офисе». Костенко набрал номер еще раз:

– Простите, я только что звонил вам…

– Я ж русским языком ответила: идет совещание!

Отбой.

Костенко позвонил в партком, объяснился; пообещали спустить пропуск, ждал полчаса, позвонил еще раз; девица озлобилась:

– Мы – режимное министерство! Сказала ждать – ждите.

– Я ждать не буду, а поеду в МВД и позвоню вашему министру по «кремлевке»! А вы из парткома уходите! Из-за таких, как вы, будут вешать коммунистов!

– Что, что?! Да вы…

Костенко яростно швырнул трубку на рычаг, распахнул дверь ногой (никакой вентиляции, весь покрылся потом), пошел к выходу; день потерян; преступление; решил было позвонить в первый отдел, но побоялся за сердце: а что, если и там такие же держиморды?

Возле милиционера (первый кордон) его окликнули:

– Где здесь Костенко?

– Я.

– Пропуск заказывали?

– Да.

– Оформляйтесь…

…Заместитель начальника отдела редких сплавов – рослый, широкоплечий человек с негритянской шевелюрой, хмуро выслушав Костенко, спросил:

– Анализ проб у вас с собой?

Костенко протянул ему заключение НТО.

Человек внимательно ознакомился с заключением экспертизы, вызвал секретаршу (расфуфыренная стерва, откуда в хорошенькой девке – если грим стереть – столько холодного хамства?), попросил сделать две копии и пригласить товарища из первого отдела…

– Как мне вас величать? – спросил Костенко. – Вы не представились.

– Ах да, простите, товарищ Кузьменко, меня…

– Не Кузьменко, а Костенко, с вашего позволения.

– Простите еще раз… Я Иван Спиридонович Назарян. Вы меня, скажу прямо, ошарашили вашей экспертизой… Это ж стратегическое сырье особого назначения… Мы считаем его по граммам…

– Где добываете?

– Я не могу ответить на этот вопрос, скажу прямо… Секретные данные…

– Американцы с разведспутников НАСА имеют об этом информацию?

– Конечно… Но зачем нам самим подтверждать их выводы?

– Заключенных на добыче этого элемента используют?

– Сейчас придет наш первый отдел, – Назарян откинулся на спинку кресла, – с ним обговорите детали, я готов помочь только техническими спецификациями.

Сотрудником первого отдела оказался совсем еще молодой человек лет тридцати пяти, веснушчатый, одетый вызывающе шикарно, с хорошей улыбкой – внезапной и открытой.

– Я Ромашов Сергей Георгиевич, – представился он, – служба безопасности и все такое прочее.

– Костенко Влади…

– Знаю, знаю, Владислав Романович… В связи с чем ваших коллег заинтересовал наш металл?

– Он не коллег заинтересовал, а меня…

– Вы же в отставке, насколько мне известно… А дело по убийству Ястреба поручили вести капитану Строилову… Вас утвердили внештатным консультантом…

– Хорошо работаете, – заметил Костенко. – Мне еще об этом не сообщили… Откуда этот Строилов?

– Из академии, Владислав Романович… С кафедры следственной работы.

– Я должен понять вас так, что разговаривать вы намерены с ним? Консультант, да еще внештатный, вас не устраивает?

– Ну, почему же… Мы готовы побеседовать с вами и ответить на те вопросы, которые входят в нашу компетенцию…

Кто же меня эдак-то подсек, подумал Костенко, я ведь в рапорте черным по белому написал, что прошу разрешить мне довести до конца прерванную (не по моей вине) работу; ей-ей, как скорпионы в банке…

– Тогда я изложу суть дела, а вы уж решите, вправе ли мне отвечать или нет, ладно?

Назарян и особист кивнули одновременно, однако Назарян при этом мельком глянул на большие часы с вестминстерским боем, стоявшие в углу кабинета.

– Итак, вчера шилом или, если хотите, штыком был убит киоскер Ястреб, имеющий… имевший выходы на человека, который контактирует с неким американцем… Ястреб сидел в одном лагере со спутником американца – тот отбывал срок за садизм: до пятьдесят тре-

тьего был следователем МГБ… Номер «Волги» использовали с чужой машины, сворачивали отверткой, в ней тоже обнаружена примесь вашего хитрого металла… Ночью была убита женщина, ее ударили ребром ладони по шейным позвонкам, а потом бросили под машину… У нее дома продолжается обыск, и я… точнее, руководство группы… сориентировали оперативных сотрудников на поиск всех металлических предметов – нет ли там каких статуэток, ножичков или вилочек с примесью вашего металла. Вот, собственно, и все.

– Что значит старая гвардия, – заметил особист. – Весь доклад – две минуты.

– К понятию «старая гвардия» я чаще отношу Молотова или Кагановича, – отрезал Костенко.

– Мерзавцы, конечно, но работать умели, этого у них не отнимешь… Авиационные заводы во время войны ставили за три месяца, – заметил Назарян.

– Только потому, – сказал Костенко, – что Байбаков вымаливал у Берии дополнительное питание для каторжан, в основном партработников ленинской поры… Строили действительно быстро, но похоронили там не менее ста тысяч большевиков…

Словно бы стараясь уйти от этой темы, особист поинтересовался:

– У вас есть оперативные данные на американца?

– Я допрашивал его в свое время…

– Вы же не служили в ЧК…

– Этот американец меня интересовал с восемьдесят первого… Впрочем, – отыграл Костенко, – он был русским, эмигрировал, шел по моему профилю, по делу «катал»; аферы, но с выходом на мафию… Для вас, полагаю, он интереса не представлял… Другое дело – человек, который возил его на машине с фальшивыми номерами, до пятьдесят третьего, повторяю, был майором или подполковником бывшего МГБ… Потом его судили и дали пятнадцать лет…

– Фамилия?

Костенко улыбнулся, ответив вопросом на вопрос:

– Фамилия? Если б я знал всех, кто сидел в Саблаге по делам Берии или Абакумова, я бы назвал фамилию…

– Ни фото, ни робота?

– Есть фоторобот.

– Можно взглянуть?

– Зайдите к капитану Строилову, он теперь шеф… Но по роботу его опознал убитый, Михаил Ястреб; кличка у этого садиста была Хрен.

– Можно познакомиться с вашей разработкой? – спросил Ромашов.

– К начальству обращайтесь…

– Мы дадим наше заключение по металлу завтра к вечеру. Согласны, Иван Спиридонович? – Ромашов обернулся к Назаряну.

– Не успеем. Дня через три. И потом, нам нужен этот самый штык… Завтра не успеем.

– Время теряем, – сказал Костенко.

– Мы пришлем ответ завтра вечером, – повторил Ромашов.

Дружески распрощавшись, уже возле двери, Ромашов остановил Костенко вопросом:

– Это поможет раскрытию обстоятельств убийства Федоровой, Владислав Романович?

Костенко сдержался, чтобы не повернуться на каблуках, так неожидан был вопрос; положил руку на медную ручку массивной двери, спросил:

– У вас было слишком мало времени, чтобы узнать о моей причастности к расследованию убийства Федоровой.

– Было. Еще в восемьдесят втором, когда меня перевели сюда… А до этого я работал в КГБ, слыхал о деле Федоровой, вашу фамилию знаю отменно… Если хотите перемолвиться парой слов – милости прошу, пропуск выпишут без свинской волокиты… Фамилию мою запомнили?

…Костенко решил было поехать на Петровку – новость с капитаном Строиловым его ошарашила, но потом сел в холле на диванчике возле рахитичной пальмы; три кресла, две пепельницы; странно, сейчас надвигается новая кампания – на этот раз против курения; неужели начальство не понимает, что любой запрет рождает постепенный, но грозный протест миллионов?

Запретили водку – взвинтилась наркомания, самогон повсеместен, теперь ввели карточки на сахар…

Запретят курево – еще страшнее станет наркомания, спекуляция будет **черной**, хоть все внутренние войска против этого дела брось.

Разрешение – к добру, запрет – к гибели. Какой плод сладок-то? В том и штука, что запретный, это тебе не «Краткий курс», это – Библия.

Сколько ж времени он там просидит у Назаряна, подумал Костенко об особисте Ромашове, наверняка сейчас к Назаряну потянутся люди с папками…

Действительно, через пару минут, запыхавшись, прибежали два сотрудника с папками под грифом, потом женщина, затем генерал с кожаным портфелем.

…Ромашов вышел через полтора часа; не удивился тому, что Костенко ждал его, кивнул:

– Пошли ко мне. Отвечу, что помню.

Костенко достал фоторобот, показал Ромашову:

– Этого человека не встречали?

– Нет, – ответил Ромашов.

– Твердо?

– Абсолютно.

– Фамилии следователей Федоровой запамятовали?

– Один умер. Либачев, сдается мне. А Бакаренко, по-моему, жив, работал в ВОХРе Академии наук, но вроде бы оттуда погнали – спивается.

– Их сажали?

– Не помню. Кажется, из партии исключили.

– Звания и пенсии оставили?

– Сняли. А почему вас так интересует этот? – Ромашов кивнул на фото.

– А потому, что он сидел вместе с Ястребом… А Зою Федорову мучили садисты… И работал этот человек на руднике Саблага, где добывали тот металл, из которого сделаны шило и отвертка… Что собой представлял Бакаренко?

– Говно. После ареста Берии развалился до задницы, руки тряслись, плакал…

– Тогда он боялся, что посадят, теперь-то страх прошел…

– Почему вы у Назаряна сказали, что у вас нет фото?

– Потому, что не знал о вашем участии в работе по Федоровой.

– Вот моя карточка, – сказал Ромашов, протянув Костенко визитку. – Давайте я допишу домашний телефон. Звоните, если чем могу быть полезен. От Назаряна ответ получите завтра. Металл действительно с рудников Саблага. Этого, однако, в назаряновском заключении не будет. Если встретитесь с Бакаренко, я дам вам заявление старого большевика Савушкина – на этом он дрогнет.

…На Петровку, после того как Костенко нашел домашний адрес Бакаренко, эксперты позвонили с квартиры Люды: ножичек для разрезания страниц книг сделан из такого же металла, что и шило с отверткой.

Ну, Хрен, теперь держись, подумал Костенко, теперь я на тебя кандалы надену, сука! Тогда от вышки ушел, сейчас не открутишься, курвин сын…

С таким настроением он и пошел к заместителю начальника МУРа:

– Разрешите войти внештатному консультанту, товарищ подполковник?

Заместитель начальника в свое время стажировался у Костенко; прилюдно величал Мастером; сейчас, не поднимая глаз от бумаг, разложенных на столе, сухо ответил:

– Да, пожалуйста… Присаживайтесь, я закончу работу, а потом побеседуем.

– Ты потом доработаешь свои вшивые бумаги, – с холодной яростью ответил Костенко. – А сначала поговоришь со мной, ясно?

Подполковник медленно поднял голову – круглую, с приплющенными ушами боксера и свернутым носом; глаза у него были страдальческие, растерянные, бегающие.

– Я завизировал бумагу, что ты руководишь работой как главный научный консультант. Мастер. С правом на проведение оперативных мероприятий… А меня вызвали на ковер, и я с боем отстоял для тебя титул внештатного консультанта…

– Кто на меня попер?

– Не отвечу. Хоть казни…

– Причина?

– Ты с Мишаней Ястребом дружил?

– Если не будет кощунством соединить такие понятия, как «дружил» и «профилактировал», я дам тебе положительный ответ.

– Ты знал, что он купил завскладом той типографии, где печатают самые дорогие ротапринтные издания?

– Нет.

– Но ты знал, что он ими торгует из-под полы?

– Догадывался.

Подполковник достал листок бумаги:

– Это нашли у Ястреба при повторном обыске: «Костенко – в подарок – набор ротапринта».

– Ты знаешь, что я его два раза сажал на скамью подсудимых?

– Да. Но при этом просил прокурора не вертеть ему на полную катушку.

– И судей просил, потому как советская власть виновна в том, что он стал вором в законе: отца расстреляли, мать спилась, он уму-разуму учился в детприемнике.

– Романыч, поменяй имя на Дон Кихота. Ты что, дитя? Не понимаешь, что высшая благодать у нас – схарчить своего?

– Понимаю. Объясни: что входит в функцию «внештатного консультанта»?

– Ничего не входит! Ни-че-го! А Строилов – сука, чей-то сыночек или племянничек! Но поскольку мозгом дела – так или иначе – будешь ты, он получит внеочередное звание и тему для диссертации! А тебя потом разберут на парткоме. И вклеят связь с уголовным элементом! Не понятно, что ль?

– Где Мишанину бумажку нашли?

– В мусоросбросе.

– Больше ничего?

– Нет.

– Почерк его жены взяли?

Подполковник вздохнул:

– Нет, конечно… Чего не подсказал?

– Только сейчас допер… Может, она какие телефоны для него записывала…

– И еще: стоило тебе влезть в дело, как на город повесили два убийства: Ястреб и Людка. Думаешь, приятно? Звонки, запросы, вызовы…

– Объясни мне еще раз мои права – в новом качестве.

– Давать идеи, когда потребует Строилов.

– И все?

– И все.

– Правом контроля за реализацией своих идей я не обладаю?

– Ты ничем не обладаешь. Никакими правами… Операцию ведет Строилов.

– Передай ему от меня привет… А я уж лучше вернусь к себе в библиотеку… Приобщусь к динамиту знаний… Жаль, что Мишаню погубили… Он ведь на Хрена вышел, через Людку вышел… Их поэтому и убрали… Ребенку ясно… Ты завтра из Цветмета ответ получишь, придержи у себя на час, дашь взглянуть, ладно?

Подполковник покачал головой:

– Нет, Романыч. Я по горло с тобой нахлебался. Не проси, не ставь меня в сложное положение, шкуру снимут.

– А когда ты у Розки дох, – вздохнул Костенко, – с меня шкуру не снимали? Она ведь «малину» держала, и санкции тебе никто не давал, чтоб ее трахать! Я это на себя взял?! Или нет? А когда ты **выступал** на бегах, пьяный в лоскуты, я на себя это ЧП взял?! Или, может, кто другой?!

Костенко поднялся и вышел из кабинета, яростно захлопнув за собою дверь.

…В квартирке, где ютились «афганцы», Костенко спросил, кто здесь старший по званию; им оказался Игорь, капитан, инвалид второй группы, двадцать восемь лет. Принимал со сдержанной солдатской доброжелательностью, открыто.

– Я хочу представиться, – сказал Костенко, протянув свою пенсионную книжку. – Из Афганистана меня выслали через пять дней после введения наших войск…

– Были советником в Царандое?[1]

– Да.

– Почему выслали?

– Потому что не хотел консультировать нацизм… Амин – нацист: «Революцию в белых перчатках не делают». Любимая его фраза, цитировал Сталина, как «Отче наш»… Несчастного Тараки задушил, семью его вырезал, интеллигенцию и духовенство посадил в тюрьмы, расстрелы проводил из пулеметов, без суда и следствия… Когда наши высадились, когда открыли ворота тюрем и освободили узников, я считал, что, освободив тех, кого еще можно было спасти, наши ребята должны сразу же вернуться домой… А когда я понял, что это – надолго, с прицелом на Персидский залив, я отправил злой рапорт, сослался на здоровье и был отозван, так сказать… Открыл вам все, чтобы не было недомолвок… Согласны говорить по делу? Или что-то в моем поведении вам кажется неправильным?

– И да, и нет, товарищ Костенко… Но то, что консультировать фашизм – грех, в этом я согласен… Нас там натаскивали на ненависть, киплинги конца двадцатого века, но мы честно смотрели в глаза смерти.

– Все смотрели в глаза смерти, Игорь… по батюшке-то как?

– Можно без батюшки, возраст позволяет… Что у вас к нам за дело, товарищ Костенко?

– Вы фильмы с участием Зои Федоровой видели?

– Это которую убили? Нет, не видел.

– Можно устроить у вас просмотр?

– Какой просмотр?! – Игорь горько усмехнулся. – Откуда деньги на видео? Где зал с креслами для инвалидов? «Наши мальчики выполнили свой интернациональный долг!» Государственная болтовня и никакой реальной помощи! Нам знаете кто помогает? Вьетнамские ветераны США! А «комсомольцы-добровольцы» только раскачиваются… А Язов и вовсе молчит, будто не было Афганистана…

– Хорошо, а если я устрою просмотр?

– Где?

---

[1] Министерство внутренних дел Афганистана.

– На киностудии… С хорошим залом…

– Цель?

– Какая цель? – задумчиво переспросил Костенко. – Как вы думаете, что нам сейчас более всего вредит?

– Всеобщее равнодушие.

– И хамство… А еще?

– Бюрократия.

– Точно. А еще?

– Саботаж перестройки…

– Верно. Кто руководит саботажем?

– Правые силы… Аппарат… Бюрократия, которая ненавидит Горбачева…

– Государственная мафия – вот наш бич, Игорь…

– Верно, государственная мафия – это страшно… Только при чем здесь смерть Зои Федоровой? Я читал в «Огоньке», как у нее Щелоков кольцо забрал после того, как адъютант ее шлепнул…

Костенко отрицательно покачал головой:

– Нет, Игорь, это все на поверхности… Слишком просто… Покойница устраивала левые концерты, тогда актерам очень мало платили, надо было вертеться… Данные об этом в ее деле лежали, хватало на то, чтобы арестовать и провести дома обыск… Вот тебе камушек и тю-тю – без мокрухи… Найдутся у вас люди, которые захотят мне помочь? Я кое-кому из начальства поперек горла стал…

– Мы не штурмовые отряды, товарищ Костенко… Нам надо наших ребят лечить, ставить на ноги, стресс снимать…

– Про лечение обещать боюсь, хотя, может, что и удастся… А вот стресс снять можно… Стресс рождается резким сломом жизни, невозможностью адаптироваться в новых, мирных условиях… А они, наши условия, не мирные, Игорь… За прошедшую ночь мафия убила двух людей, которые вышли на того, кто мог бы пролить свет на дело Федоровой.

…Через два дня Игорь позвонил Костенко, пригласил зайти, угостил чаем и сказал:

– Так вот, по поводу кооперативного гаража. Слесарь Окунев чалился в Саблаге с пятьдесят четвертого по пятьдесят восьмой – грабежи и квартирные кражи. Свой инструмент запирает в сейфик. Однако отвертку у него поменяли.

Игорь достал из стола отвертку диковинного цвета и протянул ее Костенко…

Тот спросил:

– Он заметил пропажу?

– Он только послезавтра вернется… На рыбалку уехал, так что отверточку надо вернуть завтра вечером… И еще: ребята о Федоровой с родителями поговорили, с бабушками и захотели посмотреть картины, где она снималась. Только небось они все черно-белые?

…От «афганцев» Костенко отправился на Петровку, позвонил из автомата, чуть изменив голос, попросил Галину Михайловну выйти, передал ей отвертку: «Из того гаража, где стоит машина пилота. Ответ мне нужен завтра утром, иначе подведу друзей… Зашла к Лысому?» – «Да. Бывший следователь Бакаренко действительно жив, квартира на Кутузовском проспекте».

– Спасибо, Галка.

Женщина вздохнула:

– Возраст, словно воронка, все в себя вбирает! Для Ксюши я «баба», старуха, для тебя «Галка»… В двенадцать подъезжай, думаю, управлюсь с отверткой…

– Запомни, хозяин отвертки – тоже пациент Саблага… Пусть ребята посмотрят… Но, понятно, сделать это надо **мимо** Строилова…

С Петровки Костенко поехал в отделение милиции, что было возле Киевского вокзала, начальником Угро туда бросили Колю Ступакова. Когда Федорчук разгонял кадры, особенно

обрушился на тех, у кого была крепка хозяйственная хватка, а Николашка сколотил для стариков из ящиков маленькую сараюшку на участке, который выбил возле Наро-Фоминска; донос написали через неделю после новоселья: «Отгрохал хоромы, интересно, на какие деньги?»

Из инспекции министра пришла «телега»: «Разобраться и доложить».

Николаша, зная, что живем среди гиен и крокодилов, хранил квитанции на каждый гвоздь, не то что фанерный ящик, представил начальству, через неделю пришло решение: либо Ступаков сносит **строение**, либо увольняется из органов.

Николаша предпочел увольнение. «Знаешь, – сказал он тогда Костенко, – при Ленине самым страшным наказанием для врагов была высылка за границу и лишение гражданства, а потом уж расстрел. Я б скорректировал: самое страшное наказание – работать под дураком в бесправном государстве, а потом – расстрел… Как понимаешь, о высылке теперь мечтают, как о манне небесной, да хрена выпустят…»

Он утеплил свой сарайчик и нанялся комендантом поселка, семьдесят пять рублей, завел кур и двух коз – не жизнь, малина…

Как только Черненко, очередной великий теоретик марксизма, преставился, а Федорчука из министерства унизили переводом в маршальскую группу, Николаша Ступаков написал письмо новому министру; в органах восстановили, но, правда, сунули его в Угро маленького отделения – дорабатывать до пенсии.

Костенко он обрадовался, достал из сейфа початую бутылку коньяку и пачку вафель:

– Давай, Славик, за нашу проораннную жизнь по пять капель!

– Потом, Коль… Я к тебе по делу… Разрешишь сейчас вызвать некоего Бакаренко? Пенсионера по статусу, сталинского палача по профессии. И дай мне комнатушку: надо провести разговор…

– Так меня за это снова попрут, Славик! Превышение полномочий, самодеятельность…

– А ты позвони на Петровку, поинтересуйся: мол, Костенко – внештатный консультант или нет?

– А меня спросят: отчего вас это интересует?

– А ты ответишь: он пришел устанавливать адреса кооперативных мастерских радиоремонта.

– А они припрут с проверкой… Если тебя нарекли «внештатным консультантом», значит, выдры, копают…

– Фамилия Строилов у тебя на слуху?

– У меня в районе генерал Строилов живет…

– Наш?

– Нет. Военный строитель…

– Ну так как, Николашка?

Тот вздохнул, пододвинул Костенко телефон, налил себе коньяк, сделал долгий глоток, вафлей закусывать не стал, приложился к мануфактурке…

Костенко набрал номер Бакаренко:

– Ивана Львовича, пожалуйста…

– Деда, тебя, – голосок был пронзительный, девичий. Господи, в чем они-то виноваты, маленькие? За что и на них грехи взрослых ложатся?

Костенко вспомнил, как Розка (дочь его агента Рыжего, был карманным вором, завязал, не мог прописаться; Костенко помог, с тех пор Рыжий – дочку очень любил – был с ним на связи) кричала проституткам, которые расшифровали ее отца: «Мой батя сука, говорите, да? Я ему ноги мыть буду и воду пить, потому что из-за него не стала такой лярвой, как вы, из-за него я в семье жила, как нормальная! Все стучат, только одних колют, а другие проскальзывают! Из вас, подлюг, две – стукачки, не меньше! Бейте, бейте, все равно ваш проигрыш, а батьку моего не трожьте, бритвой глаза повырезаю!» Не она вырезала… Ей вырезали; Рыжий повесился:

жена его, Линда, лежит в психушке и заливается истеричным смехом с утра до ночи – хохот у нее постоянный, никак помочь не могут…

– Бакаренко, – услышал Костенко раскатистый, достаточно молодой голос.

– Полковник Костенко, – ответил ему в тон, рокочуще. – Я не мог бы просить вас, товарищ Бакаренко, заглянуть в отделение…

– Милости прошу ко мне… Можем поговорить дома.

– Это служебный разговор…

– У меня отдельная комната…

– Спасибо. И все же лучше у нас, в отделении…

– Что-то срочное? Я ж только вчера беседовал с Виктором Павловичем…

Да ты на связи, цыпонька, понял Костенко, ну и ну…

– Я приехал из Владимира по делу, связанному с «малограмотными внуками Дзержинского»…

– Простите, не понял…

– Так у нас кое-кто расшифровывает МВД. Жду вас в отделении возле Киевского, вы адрес знаете, получасовой разговор, нужен совет, причем – безотлагательно. Машину подослать?

– Да я ж в трех минутах от отделения, товарищ Костенко… Хорошо, подойду…

Но сначала он позвонит в отдел, подумал Костенко. И те ввалятся сюда; наверное, разумнее было идти к нему. Впрочем, дома он, как в крепости; удостоверение пенсионера на него не подействует, а здесь и стены мне в помощь. Да еще сейф, да еще два портрета.

…Бакаренко оказался маленьким сухоньким старичком, в форме без погон, с орденской колодкой: две Красные Звезды, медали «За отвагу» и «За победу».

– Здравствуйте, Иван Львович, – Костенко поднялся ему навстречу, обменялся рукопожатием, сунул руку в карман и тщательно протер ее о подкладку. – У меня к вам только один вопрос, – он достал фоторобот Хренкова, – когда вы его видели последний раз?

– По-моему, в пятьдесят третьем, – ответил Бакаренко. – А в чем дело?

– Как его фамилия?

– Не помню… Встречались мельком.

– Он арестовывал Зою Федорову вместе с вами?

– Я дело Федоровой не вел. Я оформлял документы, которые были заранее подготовлены… Пару раз побеседовали – и все.

– А он? – Костенко кивнул на фоторобот, не отводя немигающих глаз от лица Бакаренко.

– Иногда оставался с ней в камере, когда полковника Либачева вызывали на совещание… Вам бы лучше спросить обо всем этом деле Либачева, он был старшим, я – исполнительствовал…

– Либачев ее бил, да? – нажал Костенко.

– Зачем повторять досужие вымыслы, товарищ Костенко? Расшатаем доверие к органам, кто станет порядок держать, когда стачки станут всеобщими? Хотим получить вторую Польшу? Были садисты, слов нет, одни Кобуловы чего стоят… Но не надо же бросать тень на **аппарат**…

– Вы Федорову не били, я понимаю, Иван Львович… А он, – ткнув пальцем в фоторобот Хрена, спросил Костенко, – мог? В ваше отсутствие?

– К Зое Федоровой запрещенные методы следствия не применялись… Тем более в деле были бесспорные улики: ее связь с американским разведчиком, разговоры с ним… Это все зафиксировано техникой… Но я не очень понимаю, зачем меня потребовалось вызывать в милицию, когда ее дело закрыто?

– Оно только начинается, Иван Львович.

– Вы мне предъявите, пожалуйста, удостоверение и постановление на допрос… Вы ж не совета у меня просите, товарищ Костенко… Вы допрашиваете меня… С нами такие фокусы не проходят…

– Постановление на допрос не выписывается, – Костенко достал из стола бланки допроса свидетеля, – что ж вы, юрист, а такие азы позабыли? Дело в том, что он, – Костенко снова ткнул пальцем в фоторобот Хрена, – связался с гражданином США, который проходил по делу Федоровой… А у меня к тому же есть показания ветерана партии Савушкина про то, как вы, лично вы, его били… Он написал об этом. Так вот, от того, как пойдет наша беседа, будет зависеть судьба этого письма: я вашей крови не жажду, мне лишь нужно докопаться до истины. Ясно?

– Ясно, – тихо ответил Бакаренко.

– С письмом Савушкина ознакомиться не желаете?

– Покажите.

– Хорошо. После того как вы мне ответите: перед походом сюда, ко мне, вы Виктору Павловичу, оперуполномоченному, у которого состоите на связи, звонили? Он вам посоветовал прийти ко мне?

– К сожалению, он в отпуске…

– Кому еще звонили?

– Никому.

– Читайте, – Костенко протянул Бакаренко письмо Савушкина, переданное ему особистом Ромашовым.

Тот словно бы обсматривал каждое слово, лицо закаменело еще больше, но когда дошел до фразы «в суде подтвердить правильность моих слов могут Граевский Роман Иосифович, он меня отхаживал в камере после допросов, и персональный пенсионер, ветеран КПСС Григорий Сергеевич. Оба живы, письменные показания дали в нотариальной конторе» – хрипло попросил стакан воды.

Выпив алчущими, но при этом медленными глотками, письмо вернул…

– Где гарантии, что, если я вам стану отвечать, это письмо не попадет в комиссию по реабилитации?

– Попроситесь в больницу, – Костенко усмехнулся, – с сердцем плохо… Больных не судят… А партбилет и погоны у вас и так отобрали, чего же бояться-то?

По этому делу ты не пойдешь, ты по Зое пойдешь, подумал Костенко, да и Савушкину уж не поможешь – три месяца как на Ваганьковском…

– Хорошо, – медленно ответил Бакаренко. – Я готов к собеседованию…

– Федорова отвечала на все ваши вопросы без принуждения?

– Без принуждения.

– Вы сказали, что ее вам передали… Кто?

– Помощник това… простите, Абакумова вызвал меня и Либачева… Сказал, что Зоя Федорова призналась в шпионаже в пользу американской разведки и в подготовке терактов против тов… против Сталина… Дал нам папку с записями ее разговоров с этим самым американским капитаном… Вот и все…

Костенко покачал головой:

– Не сходится, Иван Львович… Вы бы за шпионку «Красное Знамя» получили… А у вас только Звездочка… И в постановлении Особого совещания ее в шпионаже не обвинили… Лишь разговоры с целью ослабления, подрыва и свержения советской власти… Свидетелей практически не было, только данные, собранные на капитана Тэйта…

– Моя заслуга, что ее под шпионаж не подвели, ну меня и отблагодарили за это… Всю жизнь партии отдал, а сделал доброе дело – выставили из рядов…

– Как же вы рискнули? Против самого министра государственной безопасности восстали?

– А не надо изо всех, кто тогда правил державой, делать недоумков. Недальновидность эта чревата рождением у молодежи нигилистического недоверия… О державе болею, не о себе.

– Между прочим, «держава» происходит от слова «держать», «не пускать», «обуздывать»; есть такая пословица из русской сказки: «Жил-был татарский державец…» А державец – это хан, владелец, султан… Это понятие к нам от татаро-монгольской оккупации пришло – держава-то… Аккуратней с ним обращайтесь… А что касается «безверия», то как вы мне объясните феномен веры в Сталина, который уничтожил всех, кто вместе с Лениным руководил Союзом Республик?

– Вместе с Лениным Союзом руководили Молотов, Калинин и Ворошилов.

– Молотов был техническим секретарем ЦК, Ворошилов – с четырьмя классами образования – сражался против Ленина в «военной оппозиции», а Калинин подписал декрет о «сплошной коллективизации». И править они стали после Ленина, а не **вместе** с ним… Ленин не правил, он руководил. Есть разница?

– История рассудит…

– Рассудила… Ее, конечно, можно и в четвертый раз переписать, сглотнем, но правда – сказана, чтоб ее убить, нужно карательный аппарат раз в пятьсот увеличить… Вы в органы пришли в тридцать пятом?

– Ничего подобного… В тридцать восьмом, накануне ареста Ежова… Я первые реабилитации проводил, когда Лаврентий Пав… когда тов… простите, когда Берия пришел…

– Сколько раз вы были у Абакумова по делу Федоровой? Чем он интересовался в первую очередь?

– Он ее сам вызывал, я только вел ее в секретариат…

– По скольку времени он ее держал у себя?

– Не помню… Часа по три, надо ведь размять человека, а уж потом приступать к делу…

– К какому?

– Не понятно, что ль? Она ж по дочке убивалась, крохотуля совсем была… Абакумов обещал ее выслать – без суда, потом, говорил, вернем, на студии восстановим, познакомим с иностранцем, англичанином вроде… Ну, мол, станешь с ним работать…

– К американцу ее тоже подвели?

– Нет. А в общем-то, никто этого не знал, такие вещи това… Берия на личном контроле держал: взаимоотношения с союзниками, да тем более сорок пятый год… Не дала она Берии, вот он и взъелся… Это у меня такое предположение…

– Вы знали, что Зоя ни в чем не виновата?

– Она жила с американцем…

– Это криминал?..

– По тем временам – да!

– Но вы не верили, что она шпионка?

– Нет. Я и отмыл ее от этой статьи.

Костенко покачал головой:

– Вы ж подписали – для постановления Особого совещания – «шпионаж, антисоветская пропаганда и преступная группа сообщников». Кто-то на ОСО оставил ей одну лишь «пропаганду». Кто?

– Не мой уровень. Не могу знать.

– Кто вам передал материалы с требованием оформить статью о шпионаже?

– Полковник Либачев.

Костенко снова закурил:

– Который мертв… След обрывается…

– Это точно, оборван.

– Помните Савушкина? – снова нажал Костенко.

– Помню.

– Кого вызывали на допросы по делу Федоровой?

– Запросите архивы… Столько лет прошло… Разве в голове все удержишь?

– Бориса Андреева, народного артиста, трудно из памяти выбросить…

– Так он мычал, ни «да», ни «нет»…

– Значит, кого-то помните… Ладно, найдем всех, кого вы выдергивали на допросы и очные ставки…

– Все поумирали, – усмехнулся Бакаренко. – Мартышкин труд.

– После того как шлепнули вашего шефа, люди все рассказали ближним…

– Пересказ – не улика… Нет и не может у вас быть улик… Нас теперь так легко не взять – демократия…

И Бакаренко вдруг рассмеялся мелким трясущимся смехом.

В это время дверь отворил Николаша Ступаков и, не глядя на Костенко, сказал:

– Сейчас получим постановление на обыск у вас дома, Бакаренко… По поводу самогонного аппарата. Пошли, будем изымать, телевидение я уже пригласил, «Добрый вечер, Москва!» приедет… Лицо твое покажут москвичам, жди звонков и встреч в подъезде с теми, кто тебя опознает.

И тут Бакаренко рухнул:

– Ладно, ставьте вопросы.

…Вопросы ставить не пришлось; Костенко позвонил Глинскому, и тот сказал, что слесарь Окунев, владелец саблаговской отвертки из кооперативного гаража, утонул во время рыбалки; лодка перевернулась; последний свидетель мертв…

Глава 3

Дмитрия Степанова удалось найти не сразу; раньше, до того как он занимался главным своим делом – литературой и журналистикой, – Костенко знал, где его отловить, а теперь, когда прочитал интервью про то, что тот начал выпускать газету, вытаптывал его два дня, пока наконец Бэмби, старшая дочь Митяя, не продиктовала ему тайный телефон отцовского офиса.

Звонил часа три – без перерыва; все время занято; решил было, что Бэмби перепутала номер; та рассмеялась: «Дядя Слава (а самой-то уж тридцать! вот время-то бежит, а? жизнь прошла – и не заметил!), у них всего две комнаты, один аппарат на десять человек, там ад, но совершенно особенный – ощущение шального, краткоданного, неведомого всем нам ранее счастья». – «И такой появился?» – «Появился; зайдите к отцу, убедитесь сами…»

…Секретарь звенящим голосом задала ужасающий вопрос:

– А вы по какому вопросу?

Костенко хотел было повесить трубку, но удержал себя: все секретари в нашей стране одинаковы, в чем-то подобны сыщикам, только в нас, сыщиках, заложен инстинкт гончей – догнать и схватить, а в них – гены немецкой овчарки: охранить и не дать.

– Скажите вашему шефу, что это Костенко… Он у меня стажировался на Петровке, в шестьдесят втором…

(Господи, двадцать семь прошло! Старики надменно и самоуверенно не ощущают собственной слабости… Делом Федоровой надо б какому двадцатисемилетнему заниматься, а не мне!)

– Не сердитесь, – ответила секретарь подобревшим голосом, – его рвут на куски, поэтому я получила указание от коллектива стать цербером.

– Перечитайте Булгакова, – посоветовал Костенко. – Там про это уже было.

Сняв трубку, Степанов усмехнулся:

– Не ярись, Славик… Зоя у нас каторжанка, дисциплине не на курсах училась, в концлагере, школа что надо…

Встретились в кооперативном ресторане «Кропоткинская, 36» около десяти, за час перед закрытием.

– Что грустный? – спросил Степанов, обсмотрев осунувшееся лицо друга.

– Думаешь, ты – веселый?

– Я – в драке, сие понятно, а ты у нас теперь созерцатель…

– Нам, созерцателям, труднее, Митяй… Со стороны все много страшнее видится, потому что есть время на обдумывание следующего хода… А ведь ходят не одни только черные: белые тоже обдумывают каждый свой ход…

– Раньше ты говорил без намеков.

– За то и погнали… – Он вдруг зло рассмеялся. – «Вы по какому вопросу?»… Надо ж, а?!

– Слава, мы начали полгода назад… С разгульной демократии начали: «никакой табели о рангах, все равны, делаем общее дело, единомышленники, человека ценим по конечному результату труда…» Все как полагается… И – понесло! Шофер начал учить журналиста, как писать; стенографистка дает советы художнику, как верстать номер, бухгалтерия: «так – нельзя и эдак нельзя, а здесь не велит инструкция»… А как можно? Ты мне это скажи, я ж на хозрасчете, самофинансировании и полнейшей окупаемости! И – пошла родимая расейская свара: а почему он такую премию получил?! я ему не подчиняюсь! а по какому праву его послали за границу, а меня – нет?! Равенство?! Э-э-э, Славик, нет, до равенства мы еще должны расти и расти, пьянь гению не ровня, исполнитель созидателю не пара…

Костенко удивился:

– Что-то слышатся в твоем плаче нотки привычного: «да здравствует гениальный пожарный, биолог, филолог, экономист и жандарм всех времен и народов»… Эк тебя за год своротило…

– Должен сказать, что наша генетически-рабская душа, увы, все еще жаждет дубины и окрика… «Мы ленивы и нелюбопытны»… Не диссидент писал – Пушкин…

– Нет на тебя «Памяти»…

– А что – «Память»? Может ли она одержать верх? Не она, так тенденция? Может, Слава. Но кто тогда России будет хлеб продавать? Америка? Не станет. Во веки веков запретит своим фермерам иметь с нами дело… Синдром гитлеризма стал единым с понятием «погром», а этого интеллигентный мир не примет более…

– Чего тебе-то волноваться? – Костенко хотел улыбнуться, но получилась какая-то гримаса скорбного, презрительного недоумения. – Или таишь в крови гены Христа, Эйнштейна, Левитана и Пастернака?

– Власти, Славик, если она не хочет превратиться в изуверскую, придется выводить на защиту маленьких эйнштейнов и пастернаков русских солдат. А это и будет началом гражданской войны. И презрением цивилизованного мира… Впрочем, Каддафи нам поаплодирует…

– «Память» не зовет к погрому… Она требует выслать **инородцев** в Израиль…

– Татары и якуты в Израиль не поедут… А равно калмыки с черкесами… Гитлер поначалу тоже предлагал выслать немецких евреев на Мадагаскар… Кончилось – Освенцимом, несмываемым позором германской нации…

Официант стоял чуть поодаль, лощеный, готовый к работе, сама корректность: раз люди беседуют, нельзя перебивать; взгляд Степанова, однако, поймал сразу, шагнул к столу, приготовился **запоминать**, хотя блокнотиком не **гребовал**.

– Что хочешь? – спросил Степанов. – Давай закажем пельмени и копченую курицу, это у них фирменное… Пельмени, словно в «Иртыше»… Помнишь?

– Это в подвале, напротив Минфлота? Где теперь «Детский мир»?

– Да… Ты ж там с нами **выступал**… Помнишь, как Левон Кочарян отметелил пьяного Волоху?

– Тоже умер…

– Мне сказали… Мины рвутся рядом… Смерть одногодок перестала удивлять… Ужас ухода друзей стал нормой…

– Водку здесь подают?

Степанов хмуро усмехнулся:

– За валюту. Спасибо, что хлеб еще за рубли отпускают… А водку выпросим… У директора Федорова, они тут с Генераловым добрые… Никогда мы взятку, кстати говоря, не победим… Идеалист был Ленин… Полагал, что эту генетическую язву можно исправить законом, судом или – пуще того – расстрелом… Ясак триста лет несли, потом триста лет борзыми щенками платили, при Леониде Ильиче бриллианты были в цене, а сейчас кому чем не лень… Вечное в нас это… Лишь российский интеллигент никогда никому не давал, оттого и страдал всегда… Впрочем, Некрасов шефу тайной полиции Дубельту **засаживал** – измудрялся в винт проигрывать, за это цензорский штамп на Чернышевского получил, нигде такое невозможно, вот она, наша особость, в этом – спору нет – мы совершенно особые…

– А ты Федорову какую взятку даешь, что он тебе водку за рубли отказывает?

– Дружбу я ему даю, Слава… Дружбу и восхищение…

…Федоров словно бы почувствовал, что говорят о нем, вырос как из-под земли, весь словно бы вибрирующий (так напряжен внутренне), смешливо поинтересовался, когда в городе начнут стрелять; «то есть как это не начнут?! Смешишь, барин! Мы без этого не можем»; деловито рассказал два анекдота, один страшнее другого, оттого что и не анекдоты это вовсе, а

крик душевный; в водке, подморгнув усмешливо, громко отказал; прислал графин с «соком»; самая настоящая «лимонная».

– Поразительный бизнесмен, – заметил Степанов. – Начал на пустом месте, за пару лет вышел в лидеры, партсобраний с коллективом не проводит, а дисциплина – как в армии… Впрочем, нет, там про нее стали забывать… Тебе, кстати, фамилия Панюшкин ничего не говорит?

– На слуху, но толком не знаю…

– Поразительной судьбы человек… В двадцать первом, после введения нэпа, ушел в оппозицию: «Ленин предает социализм, кооператоры – акулы капитала, им место в концлагере, а не в столице»… Его и предупреждали, и уговаривали добром – ни в какую: «Требую чрезвычайного съезда!» Дело кончилось тем, что Дзержинский его **окунул** на Лубянку. Спас Сталин – отправил на **низовку** в провинцию, спрятал до поры… Вернул в тридцатых, провел через испытание: говорят, поручил Панюшкину – купно с управляющим делами ЦК Крупиным – уничтожить Николая Ивановича Ежова… А у того – за полгода перед казнью – советские люди должны были учиться «сталинским методам работы»… После этого Панюшкин стал послом в Китае и США, а засим возглавил отдел ЦК, который формировал наш загранкорпус, всех тех, кто кибернетику считал происками космополитов, а генетику – вместе со всякими там буги-буги, Пикассами, Хемингуэями и Ремарками – сионистским заговором. И стал на Руси самым великим писателем Бубеннов вместе с Павленко и Суровым… А ведь Бунин в ту пору был еще жив… Да и Платонов улицы подметал – не в Париже, а здесь, на родине, в Москве…

– Я другое сейчас в библиотеке нарыл, Митяй, – откликнулся Костенко. – Я убедился в том, что большинство сталинских министров, кого он привел к власти в тридцатых, были родом из бедняцких крестьянских семей… Почитай некрологи – убедишься…

– Это ты к тому, что после нэпа бедняками остались лишь те, кто водку жрал и рвал на груди рубаху: «Даешь всеобщее равенство?!» Тогда как справный мужик всей семьею вкалывал на земле? Ты про это?

– А про что ж еще? Именно про это… Сталин привел к власти тех, для которых главный смысл жизни: «скопи домок»… А при этом – «разори хозяйство»… И Даля они – по безграмотности своей – не читали, а ведь тот писал: «Только расход создает доход»…

– При Сталине, Митя, Даль был запрещен, это я доподлинно в своей библиотеке выяснил… Знаешь, почему?

– Доподлинно – нет, но догадываться – догадываюсь.

– Ну – и?

– Никто так любовно не разъяснял несчастному русскому человеку – в массе своей лишенному права на собственность, – что такое «земля», «хозяин», «купец», «выгода», «предпринимательство», «труд», «закон», «право», «найм», «рубль»…

– Сходится, – вздохнул Костенко. – Несчастный народ, лишенный права на понимание истинного смысла самых животворных понятий…

– Это точно, несчастный…

Сладостно выцедив **лимонную**, Костенко усмехнулся:

– Тот, кто пьет вино и пиво, тот наемник Тель-Авива… Видал майки «памятников»? Ничего поэзия, а? Рифмоплеты из общества трезвенников сочиняли, не иначе… Слушай, Мить, ты когда Щелокова впервые увидел?

– Что-то через полгода после того, как он въехал на Огарева, шесть.

– А когда он вам про запонки Ростроповича говорил? Что, мол, гордится великим русским музыкантом и все такое прочее?

– В самый разгар шабаша, Славик… Меня это, кстати, здорово удивило… Нет, поначалу обрадовало… Удивило – потом уже… По тем временам такого рода ремарка требовала мужества.

– Не помнишь, это уже после того было, как его молодцы забили насмерть андроповского чекиста в метрополитене?

– Не «**его**», а «**ваши**»… Ты ведь при нем третью звезду получил, нет?

– Это ты меня хорошо подсек, – усмехнулся Костенко. – И поделом: нет лучшего адвоката человеку, чем он сам…

– Не сердись.

– Так ведь поделом… За это сердиться грех… Ястреба давно видел?

– Года три назад… Он в полном порядке, мне кажется…

– Его убили, Мить… Из-за меня…

– То есть?

– Давай его помянем…

Выпили; закусывать было как-то неудобно; **подышали** корочкой теплого еще калача.

Закурив, Костенко сказал:

– Я снова начал дело Зои Федоровой крутить…

– Ты ж в отставке… Ешь, пельмени остынут… Почему из-за тебя?

– Я расскажу, если хочешь…

– Хочу.

– А с Цвигуном тебе видаться не приходилось?

– Приходилось.

– Когда?

– По-моему, в начале семидесятых… Потом он себе подобрал бригаду писателей, они ему романы шлепали и сценарии… Настоящий разведчик, прокладывал дорогу в литературу Леониду Ильичу, великому стилисту…

– Тебе **кажется**, что это он прокладывал дорогу Брежневу? Или есть факты на этот счет?

– Хронология – это факты… Сначала он стал выпускать свои боевики в кино, а вскорости Брежнев захотел поучить писателей тому, как надо создавать настоящую литературу… – Степанов вздохнул. – До чего ж мы гуттаперчевы, а? Но Цвигун не производил впечатления злодея… Вполне доброжелательный мужик… Все, кто его знал, относились к нему с симпатией.

– В последние годы он не изменился?

– Вроде бы – да.

– А в чем? Глаза стали другими? Ищущими? Испуганными? Затаенными? Мерцающими? Изменилась походка? Манера речи?

– Когда я видел его последний раз – кажется, в Доме литераторов это было, – он сидел в ресторане с друзьями, за рюмочкой и – крашеный был… Не седой, каким я его помнил, а густо-каштановый…

– Сколько ему тогда было?

– Не помню… Хотя, погоди-ка, он вроде бы с геройской Звездой сидел… А ему дали Героя в шестьдесят два года, странно как-то, после юбилея…

– **Брежневские** книги появились уже? Я про восемьдесят первый спрашиваю, когда Зою Федорову убили…

– Боюсь соврать, Славик… Почему ты вернулся к этому делу? Отставникам разрешили работать по расшитым делам?

– Думал – да. Выяснилось – нет… Меня всегда жал один эпизод: в подъезде, где жила Зоя Алексеевна, лифтеры – во время ремонта – нашли в шахте пакеты с долларами… Не помню точно сумму, не в этом дело, завтра буду знать… Один пакет – над выходом из кабины шестого этажа, другой – на четвертом… Рядом… Очень что-то близенько, понимаешь? Словно кто-то версию нам навязывал… Мы было сунулись по начальству, да тут же сразу и обожглись… Намекнули, будто этот эпизод ушел к людям Цвигуна… И – с концами… Мой коллега – его

потом из Москвы перевели – намекал, что, мол, держал в руках кончик… Какой именно – не открыл… Но вроде бы ему запретили отрабатывать ту версию…

– Почему?

– Не знаю…

– И сейчас молчит?

– Может быть, сейчас-то и сказал бы, но – умер…

– Жена? Дети?

Костенко хохотнул:

– Митя, ты нас не знаешь… И никогда не узнаешь… Мы, Митя, молчуны… Нас так жизнь научила… Чтобы жена и дети были живы, надо молчать… Намертво… Мы ж комбинаторы, ходим по темному лабиринту… И не знаем, откуда ударят… А особенно больно бьют свои, понимаешь?

Костенко вдруг резко поднялся, стремительно осмотрел зал.

– Ты что? – Степанов удивился.

– Отсюда по «межгороду» позвонить нельзя?

– Куда?

Костенко сел, как сломился:

– Хороший вопрос… Позвонить надо в Узбекистан… А куда именно – не знаю… Хотя бы на Петровку, а?

(О том, что «держал кончик», ему сказал полковник Савицкий, тот, которого – после того, как раскассировали группу – перевели в Ригу; там и умер от цирроза печени; Павлова **подвинули** в Узбекистан, а Павлов с Савицким крепко дружил, ему мог открыться, только ему, никому больше.)

…Как всегда, выручил майор Глинский; позвонил в крошечный кабинетик ресторанного бухгалтера через десять минут, продиктовал телефон полковника Павлова (генерала, значит, так и не дали, отметил Костенко, а ведь сулили, на кресте божились); живет в Ташкенте; «Капитан Строилов сбился с ног, вас ищет, если будет спрашивать, что сказать?» – «Промолчи». – «Он въедливый». – «А ты будь умным»…

…Услыхав сонный голос Павлова, Костенко понял, что в Ташкенте сейчас раннее утро; извинился:

– Я могу к тебе вылететь, если подтвердишь, что Савицкий рассказывал про **кончик**…

Зевнув, Павлов поинтересовался:

– Ты уже на пенсии?

– Да.

– А я еще нет… Так что приезжай через три месяца и двадцать семь дней…

– Будет поздно.

– Это твой вопрос, Костенко.

– Ответ понял.

– Ждал другого?

– В общем-то – да.

– Зря. Все возвращается на круги своя… Не бейся жопой об асфальт, мой тебе добрый совет…

Костенко вернулся к столу, посмотрел на пустую бутылку; Степанов понял его:

– Поздно уже… Едем ко мне на чердак. Там и добавим…

Степанов жил на двенадцатом этаже, один; дети теперь наведывались к нему редко – свои заботы; в одной комнате пытался работать, освободив крохотный пятачок на письменном столе, захламленном старыми верстками, записями и корреспонденцией; вторая комнатка, заваленная книгами (стеллажей не хватало), горнолыжными ботинками, альпинистскими пуховками, мыслилась как спальня, хотя обычно обваливался он у себя в кабинете на

узенькую кушетку, застланную буркой, которую ему подарил на Домбае Миша Лотоков, самый ранимый и нежный черкес изо всех, кого так любил Степанов; больше разве что любил Магомета Конова, но тот не черкес, тот человек мира, личность особой **ковки**, таких бы менеджеров нам с миллион – не дали б завалить перестройку… За что нам такой удел: отдавать на закланье молоху нищей и злобной зависти лучших людей страны?!

– Посмотри, что в холодильнике, – сказал Степанов, – а я выдам пару звонков, газета идет в печать, мои работают до утра…

В холодильнике было три плавленых сырка, немного масла, несколько яиц и два ломтика колбасы. В морозилке лежала ледянющая бутылка «Посольской», две свекольные котлеты и куриная нога.

Жаль Митьку, подумал Костенко, хотя он сам избрал свой удел; неужели все люди творчества обречены на одиночество? Живут в себе, внутри постоянно движется что-то, ищет выхода, мучает; я-то его не всегда могу терпеть, а как женщина? Ей другое потребно, ей хочется всегда и во всем покорной ясности, надежности, изначальных гарантий… Да, «гарантии» скорее мужское понятие, завязано на политику и бизнес… Политика – одно; мужчина и женщина – другое, непересекаемость… Кто это сказал: «Только гений не боится жены»? А-а, это Митька вспоминал Твардовского…

Костенко включил газ, вымыл сковородку, порезал тоненько плавленые сырки, положил их в расплавившееся масло (какой-то неестественно белый цвет, раньше было желтое, да и теперь на базаре бабы желтое продают, **сбитень**, только стоит двенадцать рублей кило), отодвинул письма, нераспечатанные еще конверты, блокноты с **летящими** Митькиными записями и накрыл стол:

– Митяй, жду!

Тот пришел через пять минут, разлил по рюмкам, кивнул на маленькое полароидное фото длинноносой голубоглазой женщины в очках:

– Давай за нее… Татьяна… Чудо… Единственная – после Нади, – кого я любил… Люблю…

– Расстались?

– Да…

– Твердо?

– Не от меня зависит… «Старость – это большое кораблекрушение»… Знаешь, чьи слова?

– Нет.

– Де Голля… Сказал моему партнеру по бизнесу Ачексу Масковичу, тот у него начальником разведки Северного фронта был…

– Давай за светлую память Левушки Кочаряна жахнем, Митяй…

– Мы ж пили…

– Он заслуживает того, чтобы повторить, – **штучный** был человек…

Жахнули; прошло медленно, с теплом; Костенко подошел к плите, разбил яйца:

– Сейчас сказочной яичней угощу; по-прежнему сам кормишься, бедолага; смотри, в старости надо режим блюсти, откроется язва – не встанешь.

– «Жизнь моя, иль ты приснилась мне». За одну такую строку поэт обречен на бессмертие…

Костенко поставил сковородку на стол:

– Давай с пылу, с жару… Вкусней небось, чем если по тарелкам раскладывать…

– Ужасно рад, что ты позвонил, Славик… Я днем парю, а здесь, ночью, один, отдаю концы…

– Переезжай к нам…

– Я особь прячущаяся, Слав… Мне себя постоянно слушать надо: заворочается что внутри – я мигом к машинке… Спать вам с Манюней не дам…

– Слушай, Мить, помнишь, в восемьдесят первом, когда я позвонил после убийства Федоровой, ты сказал, чтоб я в это дело не лез, голову сломаю… Объясни, отчего так резанул?

– Думаешь, помню?

– Надо вспомнить.

– Черт его знает… Время было зыбкое, Славик… Не было в нашей истории более мягкого и безотказного человека, чем Брежнев… Когда у его сослуживца по Молдавии, у предсовмина Рудя, сын умер, Виталик, аспирант Бауманского училища, похоронен рядом с Высоцким, кстати говоря, Брежнев приехал на панихиду и плакал, как ребенок… Он злого близким не делал, Слав… Чем мог помочь – помогал, если, конечно, удавалось к нему пробиться… А – глядишь ты, и в Чехословакию войска ввел, и в Афганистан, и Сахарова при нем сослали, и Некрасова с Ростроповичем и Барышникова страна лишилась…

– Трагедия тоталитаризма: великой страной правил неграмотный человек…

– Ты, кстати, на Ваганьковское сходи… Посмотри могилу Щелоковых… Две гильзы: и она застрелилась, и он… Там же и могилка бабки, матери его жены… Осталась сиротой, беспомощная, неухоженная… Повесилась…

– Щелоков, кстати, был не злобный… Старался добро делать… Но разве это качество определяет лидера и его команду? Добрый человек – не профессия, а данность…

– Злодей – хуже, – отрезал Степанов. – Знаешь, когда Брежнев пережил свою первую трагедию? Молодым еще человеком… Дочь, десятиклассница, сбежала из Кишинева с артистом цирка Евгением Милаевым… Да, да, тот, который потом Героем Соцтруда стал… Почти одногодкой Брежнева был и уволок девчонку из дома первого секретаря молдавского ЦК… Представляешь? Скандал… И, говорят, именно Щелоков предложил это дело не таить, а сразу же доложить Сталину… Расчет был сметливый – у вождя дочь Светлана номера откалывала, сын Василий пил по-черному, а Яков и вовсе в плен попал… Тиран жалел тех, кто оказывался в его ситуации, норовил приблизить – хоть в этом был человечен… Кстати, незадолго до гибели Федоровой я видел, как Цвигун в Доме кино ей руку целовал… А ведь к Федоровой, говорят, не только дочь вождя заезжала, но и те, кого она любила… И в это же время ваши забили до смерти андроповского человека в метро… Свара… А Щелоков и Цвигун – дети гнезда Леонидова… Понимаешь, какая передряга была? Видимо, поэтому я тебе и сказал это… Кстати, ты книжку Вики Федоровой читал?

– Конечно, нет!

– Могу дать.

– Где достал?

Степанов удивился:

– Разве не говорил? Вика подарила, Зоина дочь, я ж ее в Америке нашел…

Костенко отодвинул бутылку:

– Митяй, больше не пьем… Я тебя сейчас допрашивать стану, ладно? С меня даже хмель соскочил: она ж – свидетель!

Сняв пиджак, он набрал свой номер, сказал Маше, что задержится у Степанова, поинтересовался, кто звонил, удивился тому, что капитан Строилов два раза спрашивал, не терпится **резвунчику**, и, положив трубку, придвинулся к другу:

– Постарайся вспомнить все мелочи, имена, детали, Митяй, это для нас, легавых, главные **уцепы**.

…Через минуту после того, как Костенко положил трубку, неизвестный мужчина вышел из «Волги», стоявшей возле дома полковника с выключенными фарами, валко двинулся к автомату и, набрав номер, не представляясь, сказал:

– Эмиль Валерьевич, сейчас Славик у некоего Степанова… Его постоянно разыскивает капитан Строилов, мадам Машуня сама никому не звонила. Пока все…

…Выслушав сообщение **боевика**, Хрен поднялся с широкой тахты, застланной громадной шкурой уссурийского тигра, подошел к звукосистеме и включил запись Вагнера. Он долго стоял возле колонок, которые рождали неземной, возвышенный эффект звучания, густо, ощутимо заполнявшего квартиру: в свое время он сломал стену, разделявшую две комнаты, получился зал; тахта, небольшой секретер, шведская стенка, сделанная из карельской березы, и – все, ничего лишнего. Поэтому музыка была абсолютной, поглощающей пространство, властвующей…

Хрен сел к секретеру, подвинул стопку голубоватой финской бумаги, достал «Паркер» и начал чертить схему. Сначала он написал букву К, от нее провел линии к трем Б, поставил в кружки буквы Д, Я, П, С; получилась система Костенко – боевики – Дэйвид – Ястреб – Люда – слесарь.

Себя он обозначил А; завязал все линии на себе.

Да, увы, допущен ряд ошибок, я позволил себе поддаться эмоциям. Я поверил записям бесед Костенко по телефону – катимся в пропасть, правые тащат нас к сталинизму, поворот общества к концепции люмпена: «Пусть хоть трижды гений, но, если живет лучше меня, – сажать его на кол, все должны быть равны». Я переоценил его критику Системы, восхваление кооперативов как единственной альтернативы выходу из тупика, я слишком доверился его нападкам на темень и остолопство миллионов наших обломовых, которые никогда не научатся работать, быдло, без кнута не умеют, прав был Сталин, знал чернь, как никто… Я плохо подготовился к операции с человеком, который держит в голове те нити к Зое, которые мне неведомы и без которых мое дело не зазвучит так, как могло бы… Почему он снова полез в расследование после нашей встречи? Что подтолкнуло его к этому? Узнал Дэйвида? Ночью? Стекла затемнены… Да и столько лет прошло… Нереально… Тогда – почему? Подтолкнул Степанов? С нейтрализацией Ястреба, Людки и слесаря все концы обрезаны, нитей, ведущих ко мне, нет… А если?

И он дописал еще несколько букв: П, С, В – Пшенкин – Строилов – Варенов. А букву Д обвел еще одним кружком и поставил в центр большого, с завитушками, вопросительного знака…

Смяв лист бумаги, посмотрел на свет второй – не осталось ли следов; сколько раз корил себя за то, что приучился **нажимать**, как заставляли в первом классе; посмотрел и третий лист; здесь – чисто; первые два сжег, пепел спустил в унитаз, вернулся на тахту и, закрыв глаза, долго лежал, наслаждаясь Вагнером; потом набрал номер и сказал:

– Варенку хочу…

Ответа ждать не стал, незачем; фирма веников не вяжет: люди получают большие деньги, но лишь по конечному результату…

Глава 4

Капитан Строилов, возглавивший группу по расследованию обстоятельств убийства Ястреба Михаила Рувимовича и Груздевой Людмилы Васильевны, был высок ростом, по-донкихотовски тощ (хотя, подумал Костенко, мы знаем рыцаря печального образа по фильму, где его сыграл Черкасов; может, в мировом кино есть другие **идальго**, отличные от нашего, однако теперь иного не примем, привычен), в подчеркнуто элегантном переливно-черном костюме с двумя шлицами (в таких выступают декламаторы во время скучно-официальных кремлевских концертов) и прямо-таки распахнуто-доброжелателен.

– Как я рад, что вы откликнулись на мой к вам призыв, Владислав Романович! – Он стремительно поднялся из-за стола и выбросил длинную руку навстречу Костенко.

(«Он был как выпад на рапире, гонясь за высказанным вслед», – Костенко сразу же вспомнил пастернаковские строки о Ленине и услыхал в себе последние, провидческие слова этой поэмы, написанной в середине двадцатых: «Предвестьем льгот приходит гений и гнетом мстит за свой уход»…)

– Здравствуйте, – ответил Костенко, пожимая ледяную, очень сухую, казавшуюся поэтому старческой ладонь Строилова.

– Меня зовут Андрей Владимирович, – представился капитан. – Устраивайтесь, пожалуйста… Садитесь за мой стол, вам, асу, положено сидеть на председательском месте… А я примощусь на подоконнике; рассказывают, что в молодые годы вы сидели на подоконнике или уголке стола – обязательно с линейкой в руке, правда?

– Правда.

– Можно поинтересоваться – почему?

– Черт его знает… Линейка – метроном, отсчет внутреннего темпоритма… Ногами можно поболтать… Потом, знаете ли, в мои годы сад «Эрмитаж» часто посещали хорошенькие девушки… А я по природе наблюдатель, доставляет радость любоваться прекрасным… По какому поводу искали, Андрей Владимирович? – Костенко устроился на подоконнике и сразу же полез за сигаретами.

– Во-первых, хотел познакомиться с вами. Наслышан, как и все, но ведь работать с вами никогда не приходилось… Во-вторых, хотел посоветоваться о деле… В-третьих, мне сказали, что вы как-то увязываете гибель Зои Алексеевны Федоровой с убийствами Ястреба и Груздевой. Это правда?

– Допустим… Но вы ж в расследовании дела Федоровой участия не принимали…

– Я Зою Алексеевну хорошо знал, Владислав Романович.

– Да? Но если вы ее хорошо знали, то ваша фамилия наверняка была б в ее телефонной книжке…

– Моя фамилия была в ее телефонной книжке, – так же невозмутимо, со странно-доброжелательной улыбкой ответил Строилов. – Более того, я сам вписал в нее свой домашний и служебный номера.

– Это когда было? – Костенко раздавил в маленькой пепельнице окурок и сразу же закурил новую сигарету. – В каком году?

– В том самом, – лицо Строилова резко изменилось, постарело в мгновение. – Они тогда у моего отца собирались, отмечали годовщину Лидии Андреевны Руслановой, все владимирские узники съехались, кто еще был жив…

– Погодите-ка, – лоб Костенко свело рублеными морщинами, – вы хотите сказать, что именно ее записная книжка – надо понимать, последняя – была похищена преступником?

– Почему «преступником», а не «преступниками»?

– Вопрос правомочен… С вашим батюшкой об этой трагедии говорили?

– Конечно… Он считает убийство Зои Алексеевны политическим преступлением.

– Мотивы?

– Мотивов нет… Интуиция…

– В каком году вашего отца забрали?

– По «русскому делу»… В сорок восьмом… Следом за Вознесенским и Кузнецовым… Он в Ленинграде работал, по строительной части… И очень дружил с Лидией Андреевной Руслановой и ее покойным мужем…

– По Особому совещанию шел?

– Конечно… Старик – кремневый, его на процесс просто так не выведешь…

– Герой Гражданской войны Иван Никитович Смирнов, член Реввоенсовета Троцкого, тоже был не робкого десятка, однако ж – уговорили, вышел…

– Отец знал об этом… Поэтому предпочел бы смерть ужасу постановочного процесса.

– Вам тогда сколько было?

– Три месяца… Кстати, отец убитого Ястреба с моим стариком по одному делу шел – Ястреба расстреляли, моему вломили двадцать пять с поражением в правах: «Попытка создания Российской республики с выходом из СССР»… Так что искал я вас столь настырно оттого, что ко всему этому **клубку**, – Строилов кивнул на тома старого дела Федоровой и папочки с материалами по Ястребу и Людке, – у меня интерес не столько служебный, сколько гражданский.

Верю ли я ему, подумал Костенко; мы отучились верить людям; змейски просчитываем свои мысли и поступки почище шахматных гроссмейстеров – на много ходов вперед…

– Отчего вы меня унизили **внештатным** консультантом, капитан?

– Я не могу зачислить вас в опергруппу, Владислав Романович… Закон есть закон… Поэтому пробить статус внештатного консультанта тоже было не просто, но, к счастью, прошло, да и взрыва зависти не будет…

– Зависть всегда будет… Если что и неистребимо, так это зависть, особенно в нас.

– Гены бесправного рабства? В этом народ неповинен, его поставили в условия жути – вот и результат.

Костенко достал еще одну сигарету, но удержался, закуривать не стал, в маленькой комнатке и так было **синё** от табачного дыма, а Строилов постоянно покашливает, может, с легкими нелады, эка какой пергаментный, хоть и не стар…

– Матушка жива, капитан?

– Умерла.

– Воспитывались у родных?

– В детдоме…

– Слушайте, может, пойдем кофейку попьем? А то задохнетесь в вашей конуре…

– Жду звонка, Владислав Романович. Чекисты обещали подослать материалы…

– Вы о книжке Виктории Федоровой, дочери Зои Алексеевны, знаете что-нибудь?

– Нет.

– Рассказать?

– Конечно.

– Книжка называется «Дочь адмирала»… Виктория пишет о трагедии матери и о том, как Зоя Алексеевна смогла найти в Штатах ее отца… Через американцев… Виктория написала о том, кто и как пытал ее мать, о Руслановой, кстати, написала, когда они вместе сидели в одной камере владимирского политизолятора… О том, как именно Зоя Алексеевна организовала… Как бы это помягче выразиться… Побег, что ли… Да, видимо, так… Легальный побег своей дочери… Впрочем, «легальность» и «побег» понятия взаимоисключающие… Словом, после опубликования этой книги за океаном Зоя Федорова стала **отказницей**, хотя, как говорится, мать за дочь не отвечает, как и сын за отца… Такую формулировочку помните?

– Не то чтобы помню… Знаю.

Костенко кивнул на папки дела Федоровой:

– Познакомились как следует?

– С этими документами не знакомиться надо, Владислав Романович… Их следует в компьютер запускать – если бы они у нас были – для тщательного анализа… Я не очень-то понимаю, отчего в выдвинутых версиях на первое место сразу же вывели убийство с целью грабежа? И почему вероятие убийства с политическими целями было на самом последнем месте?

– Вы раньше в МУРе не работали?

– Нет.

– Какая у вас тема диссертации?

Строилов улыбнулся:

– У вас хорошие источники информации.

– Плохих не держим.

– Тема у меня выстраданная, Владислав Романович… «К вопросу об истории подготовки процессов тридцать восьмого года: анализ процессуальных нарушений действовавшего законодательства».

– Голову не свернут?

Строилов ответил вопросом на вопрос:

– Полагаете, возможна реставрация?

– Аппарат-то ведь по-прежнему всемогущ…

– У меня пистолет есть… Коли реставрация – застрелюсь, позора не переживу, это равнозначно разгрому поколения, публичная казнь идеи, вселенская компрометация нации, от такого страна не оправится…

Медленно закурив, Костенко, не отрывая глаз от лица Строилова, сказал:

– Я готов более подробно рассказать о книге Виктории Федоровой… Мне кое-что перевели… Есть зацепки…

– Серьезные?

– Как размышление для поиска – да… Конкретных – нет… И еще… Что вам известно о том процессе, который Зоя Алексеевна была намерена возбудить в Штатах против адмирала Тэйта?

– Против отца Вики?!

– Да.

– Этого нет в деле…

– Вы **проскользили**… Там об этом упоминается, но почерк у оперов районной милиции детский… Она намеревалась начать процесс, потому что адмирал использовал в своих мемуарах те материалы, которые Федорова хотела опубликовать сама… Ясно?

– А в те годы публикация за границей книг и мемуаров, связанных с разоблачением Сталина и его палачей, каралась, – словно бы продолжая Костенко, заключил Строилов.

– Горячо, – усмехнулся Костенко. – Вот-вот наступите на угли…

Строилов не понял:

– О чем вы?

– Забыли детские игры?

– Мы в детприемнике не играли, Владислав Романович. Нас там гусиным шагом учили ходить сызмальства… Мы дикие были, дикие и тихие, игр сторонились, каждый в себе… И последний вопрос: у вас врагов много?

– А как без них жить?

– Дело в том, что вчера на вас анонимка пришла… Просто так от нее не отмазаться, придется писать объяснение.

– Сюжет каков? Что я Мишаньке Ястребу помогал ротапринты воровать?

– Это было позавчера, Владислав Романович… Это б полбеды… Кто-то из тех, кому о вас многое известно, очень многое – словно бы друг писал, – сигнализирует руководству, что, мол, полковник Костенко катит бочку на чекистов, обвиняя их в убийстве Федоровой, и что результаты своего **частного** сыска запродал западникам.

– Так вы и разберитесь с этой анонимочкой, – враз заскучав, ответил Костенко. – Я, в общем-то, не защищен, карты свои – не все, конечно, но весьма серьезные – разложил на столе, валяйте, тешьтесь…

Строилов достал из стола конверт:

– А я уж начал, Владислав Романович… Поскольку в анонимке много пишется о вашей семье, словно бы, повторяю, сочинял близкий человек, – поглядите-ка почерк, а?

Костенко покачал головой:

– В такой постановке – глядеть не стану… А как уликовый документ, как след к убийце Федоровой – посмотреть стоит. На дактилоскопию не брали?

– Брали.

– Ну и что?

– Ответ в вашу пользу, Владислав Романович… На конверте пальцев нет, обнаружили подобие следа от перчатки… Эксперты определенно ничего не утверждают, но высказывают предположение, что состав, из которого изготовлены эти самые перчатки, идентичен тому, который остался в киоске Ястреба… Нерусское производство – во всяком случае… Поэтому ваш интерес к бывшему театральному администратору, а ныне гражданину США Джозефу Дэйвиду, мне кажется в высшей мере оправданным… Хотите работать вместе – вот вам моя рука…

Они обменялись рукопожатием; Костенко снова подивился тому, как холодны пальцы капитана, сколь суха его ладонь и как она аристократически длинна; он похож не на Дон Кихота – на коня; странная ассоциация; впрочем, нет, – у породистых скакунов очень узкие лодыжки; а вообще кони – хорошие люди, с ними можно идти в дело; он сразу принял мою версию: дело Федоровой **тлело** все эти годы; молодец, подеремся…

– Ну а если мы вместе, – Строилов поднялся, – не сочтите за труд сказать нашей науке, чтобы она меня не **обтекала**… Говоря откровенно, эксперт Галина Михайловна меня в упор не видит…

Костенко наконец усмехнулся:

– Видит… Точнее – присматривается…

…Через десять минут Галина Михайловна из НТО положила на подоконник (не на стол Строилова) таблицу с отпечатком пальца.

– Это я накопала на пояске убитой Люды. Дактилоскопия проходит по картотеке, – не глядя на капитана, докладывала она Костенко. – Варенов Исай Григорьевич, сорок седьмого года рождения, проживает на Солнечной, семнадцать, освобожден из мест заключения три года назад, проходил по делу о вооруженных грабежах и насилии…

– Где отбывал наказание? – Костенко легко спрыгнул с подоконника и потянулся к телефону.

– Не в Саблаге, – Галина Михайловна словно бы ждала того вопроса. – Но работает он в том кооперативном гараже, где стоит «Волга» вашего подопечного пилота.

Строилов набрал номер районного управления, продиктовал адрес Варенова, попросил немедленно взять на контроль; «сотрудников высылаю, буду на связи».

Дал команду по селектору:

– Членам группы срочно выехать в Измайловское управление.

– Едем, – сказал Костенко Строилову. – Только лучше в отделение, оттуда сподручней начать работу…

– Нет, – ответил капитан, побледнев еще больше. – Пусть начнут молодые сыщики, надо позволить им проявить инициативу. Подождем…

– Если б не анонимочка – можно ждать, капитан… А так я не очень-то понимаю, кто за кем охотится: мы за ними или они за нами?

– Спасибо, Галина Михайловна, – Строилов мягко улыбнулся эксперту. – Ваш босс и я делаем одно дело, вы меня признайте, ладно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.